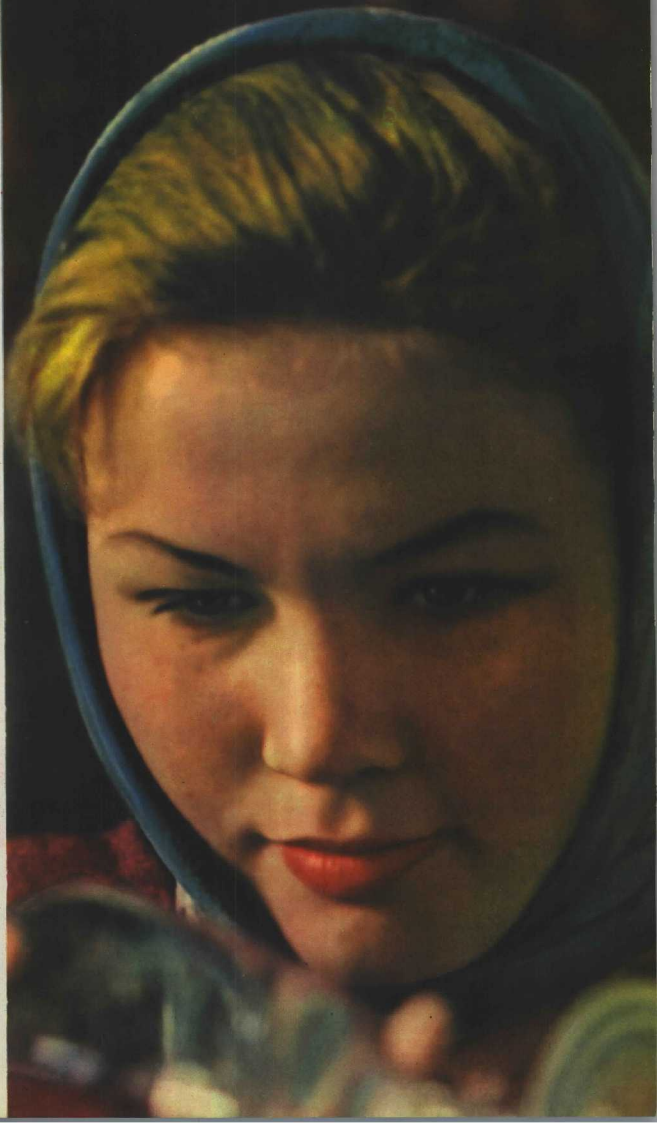

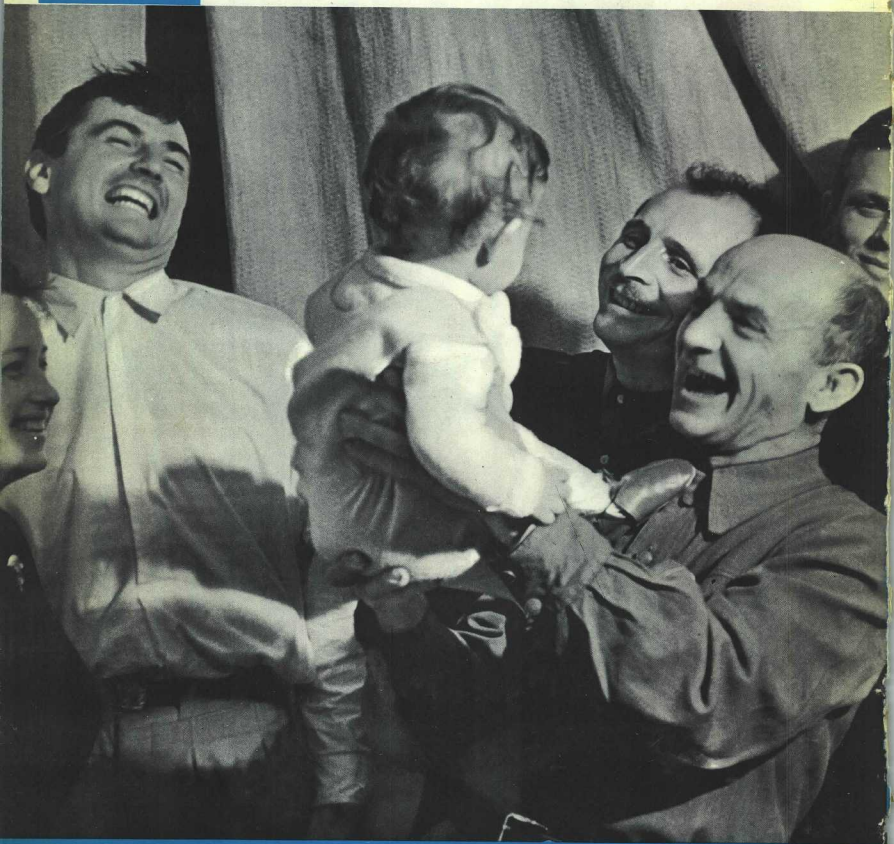
СМЕНА

5 1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РАССКАЗ О ДВУХ КОМ

С чего начинается город? С первого колышка, с первого дома! А может быть, с человека, родившегося здесь? Первому уроженцу Комсомольска-на-Днепре Вите Крахмалю исполнился год. Вместе с его родителями Любов и Валентином (на снимке слева) это радостное событие отмечают и их друзья, и самый почетный гость, конечно, старейший комсомольчанин

СОЛЫСЬСКИХ ПУТЕВКАХ

На берегу Днепра горели костры. Стрельчатый мезонид «качалка» выставляла над крышами домов, над недостроенной школой, над модельными топольками, котлованами и фундаментами — над поселком, которого еще нет на карте, но который уже зовется городом Комсомольском, Комсомольском-на-Днепре.

В толпе молодых ребят кто-то лихо пляшет — только руки взлетают над головами, когда танец стремительно, под оборачивающей гудящей по кругу. Видно, здорово пляшет парень — у ребят в глазах веселые чертики, так и тинят,

так и манит в круг. Сама молодость в этой пляске! Вернется, сбросит каблуками, легко несет на носках стройный танец в шершавых сапогах и гимнастерке. Я пробираюсь в первые ряды. И влуду в ответе костра отчетливо вижу лицо танцующего — резкие, глубокие морщины, в прямых коротких волосах — белый огонь седины.

— Кто это? — спросил я соседа.
— Начальник жилого комплекса Владимир Давыдович Крайчик.
— Давно Комсомольск строят?
— С тридцать второго года...

— Нивь ты! — усмехнулся Крайчик. — А мы вот не мыкались приехали, а жили.

— Жить-то здесь — по-собачьи...

— По-человечески, — поправил Алексеев.

Быстро промелькнуло дальнееоконное лето, осень одела тайгу в желтые цвета. Жужжила на земле листва, ожидала первого снега. Он пошел ночью, этот первый снег первой зимы Комсомольска. Володя Крайчик дежурил по лагерю. Кутаясь в тулуп, ходил между барakov, притихших в ночь, и казалось ему, что над всей тайгой слышно сейчас мирное дыхание спищих после трудового дня ребят... Но что это?

Откуда-то потнуло гарью. Над одним из барakov взметнулось пламя. Длинный багровый язык переметнулся со стены на крышу, дружно вспыхнула кровля и кинула на снег тень человека, метнувшегося в тайгу.

Тревога! Володя несколько раз ударил по релсу и, сжимая тулуп, бросился в тайгу. За спиной слышалась гудящая тревоженность лагерь. Под ногами шуршала опавшая листва, сапоги скользили по влажному мху на камнях. Темная фигура мелькала вперед, скрываясь за деревьями и появляясь снова: враг уходил, Крайчик надрыв сил. Расстояние между ним и черной тенью стало сокращаться. Позади слышалась гарь работа, бежавших следом. «Задержать, задержать во что бы то ни ста-

Путевка первая

Поздно вскрывшись Амур в весну 1932 года. Еще по мутной воде плыла последние льдины и тяжелые тучи вносили на прибрежных сопках, когда несколько старых паровозов, шлепая плащами, прибавились к берегу и первые люди ткнулись в рыжую глущину. И сразу тоской стала тайга от девят в кумачовых косинках и кожанках, от парней в длиннополых кавалерийских шинелях и буденовках.

Среди сотен ребят ничем не выделялся длинноногий, худой парнишка с круглым лицом, черными бровями и по-мальчишески пухлым ртом. Он, как и все, таскал в гаубы тайги тяжелые токи, инструмент, откатывал бочки. Как и все, сидел поздним вечером у жаркого костра, задумчиво глядя на угли.

— Ну, как тебе здесь, Крайчик? — спросил, присаживаясь рядом, коренастый парень в кожаной куртке — Василий Алексеев, секретарь комсомольской ячейки.

— Ничего, бывает и хуже, — отозвался Володя. — А я вот вспомнил почему-то: дома сейчас звания цветут, идешь улицей — хат не видеть, белым-белым...

— Ты, никак, с Украини, параз? — спросил кто-то простуженным голосом.

Крайчик кивнул:
— Из-под Винницы.

— И чего тебя сюда занесло? — недоуменно проткнул тот же голос.

Володя всмотрелся через костер, увидел темное, худое лицо, облезлый заячий трехух.

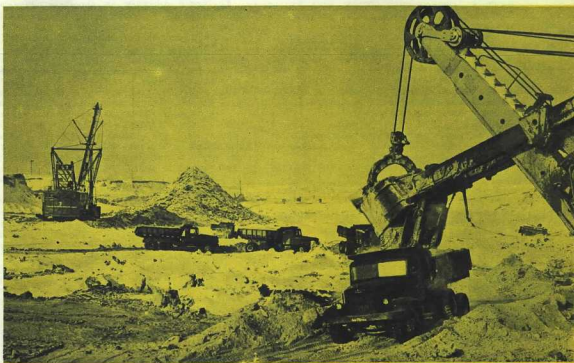
— А сам-то зачем приехал? — понтересовался Алексеев.

— У нас дело ясное, — обстоятельно ответил парень. — Недорог был. Хозяйство поправить

наде, а денги — где их возьмешь? Денги, их заработать требуется...

— Из-за денег, значит? — уточнил Алексеев.

— А ты, секретарь, надсмешки не строй, — строго сказал простуженный голос. — Я заранне со всеми работаю, и надсмешки приберечь для кого другого. А что из-за денег — так не скрывайся. Перемыкаюсь...

Кирья, топор да лопата — вот с чем шли в наступление на тайгу строители Комсомольска-на-Амуре... Тридцать лет спустя на берегу Днепра был заложен младший брат города юности. Теперь его создателям помогают могучая техника...

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

5

МАРТ 1963

Год издания советского

— Как? Петра вашего. Или он сбился? Вроде к тому шло. Как, Петр?

Парень помирает, покосился на мать. Та поджала тонкие губы, сложила руки на пухлой груди.

— Может, по теперешним временам можно с матерью и не считается...— сказала женщина.— Только против этой свадьбы я. Надежда Лете не пара, у него десятилетняя образованность, а у нее только семь классов. Ему институт кончать надо, а потом о женитьбе думать...— Мать! — укоризненно сказала парню.

— Что — мать? Самому потом показаться с ней стыдно будет! Вспомнишь тогда матери!

— Ну, это — дело поправимое...— сказал Крайчик.— Учиться она не думает бросать.

— Улита едет — когда-то будет...— Так, значит, не будет свадьбы? — спросил Крайчик, поднимаясь.— Ну, добро. А я встретила сегодня Надюшу, сватья у меня присла, как быть. Свадьбата к ней идешь или парня. Так она никак не решит, согласна или нет.

Петр вскинул голову: — Это Вася Романенко, что ли?

— Что ж, я скажу, чтобы соглашалась... Крайчик влезал за фуражку.

— Погодите, Владимир Давыдович! — сказала Петр, песенно обаявая.— Я еще поговорю с ней.

— А что говорить, раз свадьбы не будет. — Да будет же, будет! — закричал Петр и выскока из комнаты.

— Эх, Мария Прохорова, Мария Прохорова! — сказал Крайчик, выходясь. Делового времени нужно, а сватьба — момент.

Через месяц в Комсомольске-на-Днепре играли первую свадьбу.

Четвертый час мы выгружаем цемент из вагонов. Над длинным составом клубится тонкая пыль. Яркие лучи прожекторов высвечивают мелтешные мальевские фигурки, прогибающиеся с тачками по шпальному настилу. Я работаю внутри вагонов. Горючий пот заливает глаза, вокруг цемент, отслепило видны лишь освещенный квадрат вагонной двери. Я знаю, что Крайчик работает где-то рядом, в этом же вагоне, урылами приглядывался, пытаюсь найти его, но не могу: на всех окнах, респираторы, закрывающие пол-лица, все работают одинаково споро.

Четвертый час мы выгружаем цемент. Уже далеко за полночь, скоро рассвет. А пока перед глазами — цемент, цемент, цемент, и все тяжело поднимать лопату, легким недостает воздуха.

Сосед берет меня за плечо, показывает на выход. Сатов из-за респиратора не слышно, но жест понятен: иди, мол, перекосил. Но неважно уходить, неудобно как-то признать себя слабея другах. Сосед сдвигает респиратор в сторону, сердито кричит:

— Свалиться хочешь? А ну, марш на воздух. И я узнаю голос Крайчика.

Через два часа машину подвозят нас к березе Диемра, к тому самому месту, откуда мы уехали вечером. На протоптанной тропе — росяники, чернотен пятна погасших костров. Над степью встает раннее солнце, четкий контуром вырисовывается строенка городка. От машины к машине несется неся, когда мы подьемлемся к Диемру. «На паровоз, вперед легки, в коммуну оставим!»

Кто куда это пешью? Может быть, негромко затнуча Владимир Давыдов, может быть, кто-нибудь из ребят. Да это и неважно. Крайчик убабается, подлевая, шевелит губами и шуршит на яркое солнце. А из уголка кузова на него любовленно смотрит тот самый парнишка, который так не хотел внашивать в праздники.

Этот парнишка — я. Это был мой верный расвет в Комсомольске-на-Днепре. И пуская тогда я еще не знал так вразумительно о жизни Владимира Давыдовича...— все, что написала здесь, узнала значительно позже...— но я все равно любовленно глядел на пыльное лицо Крайчика, человека из бесконечного племени Комсомольцев и думал как это здорово быть на земле строителем! Быть человеком!

МАГАЗИН ПРИЕХАЛ НА ГАСТРОЛИ

Фотоочерк В. ММИША

— У них под названием весь город! Так сказал нам знаменитый металлург «Магнитки». Поначалу мы удивились столь неординарному заглавию, но знаменитый наш был шутник, и мы расценили это заглавие как очередную шутку. Впрочем, потом нам пришлось убедиться в том, что в этой шутке много правды и что город действительно «под названием». Но он ввел от этого не страдал. Скорее наоборот. Тридцать пять девушек-продавиц из Дома обуван снискали себе самую широкую популярность, и если Изабелла начнет выпускать отгрызки с их изображениями, в Магнитогорске никто не удивится. Танюшу популярность нам принесим,

ник они сами говорят, гастроли. Да, именно гастроли, как мы неправильно звучит это слово в применении и магазину. Теперь об этом знает весь город, но в первый раз это было довольно неожиданно.

Человек, со дня основания работающий на Магнитогорском комбинате, не мог бы припомнить, чтобы по заводскому саленту продавали что-нибудь подобное. В эту минуту все рабочие крупнейшего на «Магнитки» комсомольского цеха затнели дыхание. Было от чего прийти в недоумение... «Если вы молодцы, не переоценяйте сырости нации уральской зимы — не модную меховую обувь покупайте! Случимом грушуйте меховую обувь. Пусть даже ваша девушка

постоянно опаздывает на свидания и вам приходится ждать, не на морозе... вы можете приобрести тонкие, красивые ботинок на замшевой подкладке, ну, а вашей девушке подарит туфли на высоком каблуке и меховой подкладке...», — говорил по саленту неземной красоты молодой человек.

И казалось это как поэма. Разве что не было рифм. Впрочем, отсутствия их, должно быть, никто из слушавших не заметил; все следили за содержанием. А в довершение всего салент-приглашил всех в ирассый уголок комсомольского цеха, где можно будет познакомиться со всеми, о нем только что говорили. И не только познакомились — металлургов приглашали отнюдь не на выставку.

Это не демонстрационный зал. В операторской одного из цехов комбината идет примерка обуви.

На несколько дней ирассый уголок превратился в магазин. Никого не смущало, что здесь не было прилавков. Зато как легко и просто находили общий язык! Это были настоящие торговали. Только старинный девиз «не обманешь — не продашь» исчез беспследно.

ПОКУПАТЕЛЬ. Какется, по-вашему, я беру эти ботинки.

ПРОДАВЕЦ. Ну что вы, такие ботинки носил после сорока! Еще успеете. Посмотрите вот эти. Они стоят дешевле.

Молодой парень подходит к продавице, дерма в руках узкие модные туфли. Он явно смущен.

ПОКУПАТЕЛЬ. Девушка, вот тут я подобра себе ботинки. Только у меня денег не хватает.

ПРОДАВЕЦ. Ничего страшного. Забирайте туфли. Деньги отдадите в помучу. Поминной металлург долго переживает морозы, а зимней обувью. Затем обращается к продавице.

ПОКУПАТЕЛЬ. Скажите, а можно, так сказать, не глядя? Поглядев, доверю у меня в институт поступила...

— Не бойтесь, вы можете подарить. Только я вот не люблю балласт.

ПРОДАВЕЦ. Не знал, конечно, трудно. Но мы всегда три размерчик, можно-нибудь из трех подойдет вашему дочке. Остальные вернете.

ПОКУПАТЕЛЬ. Вот спасибо!

— Товарищи! Если кто-нибудь не может себе подобрать себе обувь по размеру или по вкусу, просим вас записывать в эту книгу, что вам хотелось бы приобрести. Постараемся вам помочь.

Откуда вы приехали, девушки?

— Из Европы...— шутит продавец Алла Завьялова. Шутка шуткой, а она сказала правду. Действительно, из Европы. Магазины находились в европейской части города — на правом берегу реки Урал. А «Магнитки» — на левом. В Азии. В Магнитогорске нет, пожалуй, человека, который

Эдуард ЗВЕНИЦКИЙ

Комсомольск-на-Днепре.

Нелегко разобраться в сложном обувном хозяйстве, но комсомолец Лиза Белоконова выучает опыт и любовь к делу.

Уже не в первый раз приезжают девушки из Дома обуви к мастерам «Мазнитки». Как видите, торговля без прилавка идет весьма оживленно.

не знал бы этого здания. На его крыше светится немолодая бунва: «ДОМ ОБУВИ». Впервые они заглянули в день открытия XXII съезда партии. А через некоторое время внизу появилась еще одна надпись: «Комсомольско-молодежный магазин». В общем-то, это объясняет многое, прежде всего стиль работы.

То, о чем мы рассказали вначале, — гастроли магазина в цехах «Мазнитки», — отнюдь не единственный случай. Это стало одной из новых форм работы.

Как-то на комсомольском собрании девушки решили попробовать и еще кое-что. Есть, говорят они, в нашем городе и маленькие покупатели. Правда, они носом еще не достают до прилавка, но

ведь и им надо помочь: что ни говорите, а начинать путь в жизнь надо тоже в ботинках. А много ли времени у родителей, чтобы ходить по магазинам в поисках обуви для своего малыша? И тут что-то вспомнил старинных «иеробейников», ходящих по городам и весям с кнутом и парчой. А что, если... В Магнитогорске множество детских садов... А что, если переписать в детских садах дни рождения ребятни и присылать подарки домой? Во всяком случае, родители это сэкономит время, и потом разве не приятно получить подарок тайным необычным образом?

Решили — сделали. Теперь дни рождения многих магнитогорских малышей

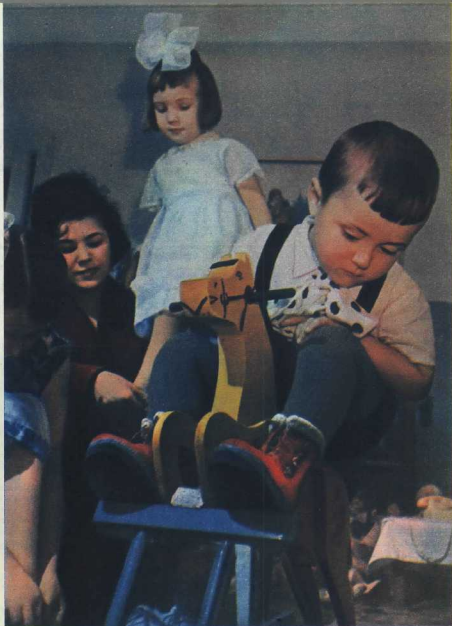

не обходится без участия девиц из Дома обуви.

Но их деятельность не ограничивается только торговлей. Иногда продавцам приходится и шевелиться. Был, например, такой случай.

В Дом обуви привезли новую модель туфель Магнитогорской фабрики. Девушкам было особенно приятно рекомендовать покупателям свою, местную продукцию. Тем более что новая модель была изящной и сравнительно недорогой. Но через день в магазин пришла покупательница и вернула покупку: в носке были гвозди. Разумеется, ей выдали новую пару и сочли это случайностью, отслал брак на фабрику. Спустя несколько дней пришла другая поку-

Малышу обновка явно понравилась.

пательница, потом третья, четвертая... Девушки отвозили обувь на фабрику, там охотно шли на встречу: гвозди быстро вытаскивали.

— Неважно, бывает, — говорили на фабрике. — Что делать, массовое производство!

Когда с этой привычной миссией на фабрику приехала секретарь комсомольской организации Маргарита Ерохина, ей участливо сказали:

— Что вам из-за этого ездить? Мы вам дадим инструменты, вы будете вытаскивать гвозди сами. Это же очень просто. Вот посмотрите.

— А фабрика так и будет выпускать брак?

— Но поймите, мы не индивидуальная мастерская. Мы массовое производство.

Вот тут и началась «война».

Маргарита пошла по цехам, как она говорит, «за гвоздями». Кто виноват в браке? И Маргарита нашла. Начала на конвейере молодую, неуемную ученицу. Брак шел по ее вине. Девушку взяли под опеку опытные работницы, и через неделю с браком было покончено.

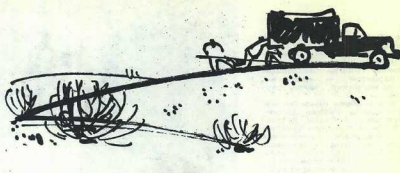
Итак, «войну» выиграла девушка из Дома обуви. Но думали, однако, что Магнитогорская фабрика от этого проиграла: ведь она выпускает теперь обувь без лишних гвоздей.

Очень много можно написать о работе девушки из Магнитогорского Дома обуви. Но всего, конечно, не рассказавши. Ведь в моменту выхода этого номера журнала они непременно — наверняка! — придумают что-нибудь новое...

И в обеденный перерыв девушки не остаются без дела: для заочниц бороза каждая минута.

СПЕШУ НА ЮГ!

ГАЗОПРОВОД ГАЗЛИ-УРАЛ

А я оттуда,
где ни тучи
Нет в небе,
где неведом снег.
Где шепочет всок смлучий
По берегам смлучих рек,
Где складчат, бурьям измятый,
Барзан,
баграмы, как коралл,
Где танут по пескам ребята
Газопровод Газли — Урал.
В тупой жаре,
под солнцем блеклым,
Менята о густой траве,
Я навсегда вросился с пеклом
И думал:

— Отсижусь в Москве!

Но исполнялись неустанно
И звали в дыноке края
Ребёне млары Турмстана —
Вторая родина моя,
Страна,

где корюню и флягой
Делится с другом я не раз,
Где мы с бугалгером
и Смагой
Ночами думил в преферанс,
Где в полночь
Под лунной раскосой
Под трюкот дикелес и рев
В кепчонке,

с длинной папирсовой
Встает у тормоза курносый,
Лобастый Витя Журавлев,
Где реки сухи,

скалы голы,
Где по шоссе, вонзанном в горы,
Несутся бешено в ночи
Куя-ургенческие шоферы,
Отчаянные ликачи.
Поглаживает тунки кодыла мекха
И даже ночь полна огни...

Как трудно жили мы...
Ребята,
Вы не забыли про меня!
Не жгите страшными словами.
Не думайте, что я ударил:
Я еду

строить вместе с вами
Газопровод Газли — Урал!
Блестит солончака солонка,
Песок под шинами горит.
Газопровод!
Ты итнью тонкой
В пустынный взрвни колорит.

Вдоль вены исполниской трассы,
Пугая змей, мышшей я птиц,
Рычали трактора и КраЗы —
И падела пустыня иич.
Вдоль дымящихся образцов белых,
Где даже ветер умирал,
Шагал ты в бедах

и победах,
Газопровод Газли — Урал!
Без смидок ворюша былое,
Осколки прошлого граня,
Чтоб вынече мелкое и злое,
Ты плавил души из огня.
Благодарю за это пламя,
Страна, где я мучал и креп!
Врываюсь в мозг,

характер плава,
Моюе плотью стал твои хлеб.
Земледа, в кровь мою азрастас,
И там осталась навсегда
Твоя прозрачная,

густая,
Солончатая вода.
Сквозь гул годов,
Сквозь дым холодный,
Сквозь путь, что я себе избрал,
Пройдешь ты
итнью путеводной,
Газопровод Газли — Урал!

Уже в лесу бшует выюга,
Чуть-чуть заблудилсь — наюк,
А я вчера вернулся с юга...
Не дай вам бог на зтог юг!
Быть может, это и не лето,
Пустой фантазии сродни —
Жара там держится все лето,
Все лето

сорок пать в тенки!
Жара с нимни, с градусами теми:
Работа — ночью,
отдых — днем...
Но в том-то и беда,
что тени
В песках не смыщешь днем
с огнем!

Но в том и горе,
что из ночи —
Будь прокладя пустыня та! —
На горах и плечи

что есть мочи
Наваливается духота.
Хрипя,

крывые зубы щера,
«Афганец» будит нас чуть свет.
Он, как змея, вползает в щели
И от него спасенья нет.
В его порыве адымота,
Сухая пыль песчаных выюг...
Мы все болыи конъюнктивитом
И дышим,

слово такцуда выюк.
Не чаю, как отдади выюда.
Не край,

а сущая беда...
А впрочем, это я для выду.
Я все равно вернусь туда!
Пустынный быт неважно скроен —
С песком и пылью пополам,
Но все же мы живем

и строна
И даже выюпелем план!
Порою прихлюдеет туго,
Совсем беда,
почти каюк,
Но снова тает ветром с юга,
И в опять спешу на юг!

П О С Л Е Д Н И Й

В базарной чайхане,
в дыму и шуме,
Где жмутся к стене липкие столы,
Кривой старик в бараньей желтой шубе
Каракуль продает из-под полы.
В тяжелой шапке из косматой шкуры
Он правый глаз от шашим уберег.
Черны его морщинистые скулы.
Орлиный нос разрублин поперек.
В слепом зрачке сверкают искры смежа
И, рассыпая по столу огонь,
Поглаживает тунки кодыла мекха
Горбатыя трезпалая надонь.
Три когтя

с рыжеватой шерстью длинной,
С клеветки влажной соскребая лая,
На шкуру встанут лапыю орлиной —
И сразу поджимаются в сулак.
И пакет горькии пороком доньяе
Орлиный лик, заросший седной;

Сутулый месяц кружит над пустыней,
И светится выюпелем за споней,
И заюплет в садинами дала
На бронзовых текинцах воронных...
Также в нас без промаха стрелял,
И радио мы промаживались в ники!
Давно уткнули выстрелы и крики,
Над кущалами не клубится дым,
Шумят сады,

идут в пески арыюи,
И только он один непермирри.
Седой и дряхлый,
никому не страшный,
На склоне лет поддался в торгаши
Песков владыка,
дьявол рукопашный,
Последний курбашим
Энер-пашим.
Годами и боями убеленный,
Сутулый,
не приученный к вину,

Он под язык кладет насывай зеленый
И сплевывает зеленоую слюну.
Ору, как галлик, грузчик на трапах,
Аму-Дарья пугает темнотой,
Лышь светится
в мотыжках, цепиках лапах
Невиданный каракуль золотой.
А над базаром пахнет ветер терпико —
Цветет в горах урюк и алыча,
И ровно в девять
внушка-пленочка
Домой уводит дека-басачка.

Я лежал у самого окна и, когда меня не очень беспокоили боли, смотрел на высокое небо. Поступное только взгляду и похожее за стеклом на музейный экспонат, небо все равно оставалось небом. Я любил его, как могут любить, например, одни большие люди. Иногда через узкий проход между двумя кроватями к окну подходил Семенов или Маклаков. Тогда я начинал стонать, и они спешили уйти, чтобы не слышать меня, и я снова смотрел на небо, где качались темные верхушки деревьев.

Может, я стал напыренным. Но скорее всего, это у меня с детства, с моего далекого детства на полянках — любовь к высоким окнам и к солнцу, которое превращается через подоконник на пол.

В детстве, бывая с отцом в городе, я любил заглядывать в чужие окна. Я мысленно рисовал человека на пейзаже, крышках розеток и пробовал пальцем острие сабли, повешенной на стене. Меня там окружали таинственные бабушкины сундуки, и диковинные цветы, и вазы с райскими птицами.

Маме не нравились темные окна. Там, куда я заглядывал, под самыми подоконниками лежали солнечные полочки. Мечта, проникнув в дом, старательно вытирала о них свои босые ноги.

А через много лет, когда мы с женой поехали здесь хорошую квартиру, я распахивал окна и, свесившись, заговаривал с прохожими и протыкивал мальчишными конфетами. Палата, где я лежу, довольно просторная. В ней даже есть какой-то домашний уют. Чувствуется, что здесь гордятся этим: чистотой, фикусами с полноразными листьями, салфетками, которые вышивают ночные сестры.

Эти мадони, видно, считают, что стоит больному сделать уютной, и все будет в порядке. А я думаю, что каждый из нас плещет бы на этот уют и чинил бы дома электротехнику или ругал с соседом по коммунальной. Мобуту, уми глядял бы жену по спине, там, где пуповица от лифчика. Нам нужно горавдо меньше, чем нам дают. Осторожные люди, осторожные движения, предпринимательство, от которой ранит трагедиями, — мне это в талгуст. У меня от этого начинает еще сильнее болеть нога, и я возвращаюсь к мысли о самом грустном, о том, что скоро мне придется уехать.

Нас здесь четверо. Семенов и дядя Проня Маклаков — ходячие. У них все позади. Сегодня утром доктор послушал их трубчонкой и сказал: «Скоро мы с вами трогательно попрощаемся».

Семенов отразил себе уши и объяснял, что болше не напишет ни одного письма. Зато он со времени обхода, несмотря на мои стоны, торчит у окна, обпершись локтями на подоконник. Чтобы походить на человека, человеку часто недостает именно подоконника.

Маклаков, которого я вчера почти не видел, сегодня тоже не выходит из палаты. Говорит, что ему надоело ходить. Этот старик уже подумывает о рыбной ловле и вспоминает то время, когда рыбу и бреднем и крылами брали. Говясь к выписке, он попросил сестру подарить ему крутую нисеиноразличную коробку, в которой хранят бинты и марлю. Кажется, мадони называют его бонсом. Маклаков говорит, что из бонса получится пересаканца лучше не надо. Но сестрица Дуса только поспернула на него старое-старое. Серьезная сестрица.

Третий лежит рядом со мной. Ему ходит запрещено: сразу начинается одышка и сердцебиение. Он учитель, а фамилия у него такая несолидная для его профессии — Шюляер.

Вчера, когда меня привезли и уложили на кровать, он посмотрел на меня отсутствующим взглядом. Гипсовая повязка на моей ноге, редкая в мой болшевик, да, вроде как выдвинута, не влезала в него ни маленького интереса. Потом, когда его отнесли на рентген, Семенов мне объяснил, что жена Шюляера не вынесла одиночества и куда-то с женой уехала. В два часа дня, когда его не беспокоит, а он, чудак, все поглядыва-

Г. ШУМАРОВ

РАССКАЗ

ает в окно. Мне его по-настоящему жаль, и я старался не говорить с ним о женщинах.

Сегодня ночью я не спал: какой уж тут сон, если в него торчит эта дурацкая пупа! Мне хотелось орать, но крик застревал где-то в глотке, когда я смотрел на Шюляера. Он полусидит в кровати и лопка воздух синими губами. И не стал звать сестру и подал ему воды. Он кинул мне и сказал, что видел меня на строительстве его школы. Слова с трудом выталкивались его глотком.

И вспоминал тот день. Директор с молодой женой балансировала на лесах. Мои ребята, поглядывая снизу вверх, смачно одобряли бесстыдную работу ветра. Я подошел к нему и отозвал его в сторону и послал к чертовой матери. Кажется, он догадался. Это было не так уж давно.

Ночью я понял, что погода будет негелная: ветер зывался, как в хорошей радиопостановке.

А утром нам было слышно, как врач кричит в телефонную трубку:

Отгнетельское равнение... да... в область тазоберенного сустава... забобанного... да... у меня нет условий... погода?.. Тогда ушюно... да... на своей... да не же, тогда ушюно!.

Дядя Проня покрутил плешивой головой.

— Ушюно, хм.

Ему запретили курить, и бывший здесь сеestre предлагал почувствовать горячую иронию этого восклицания.

— Я знаю его давно. Сверхих забавник, как все рыбаки. Он плохо владеет правой рукой. Я спросил его однажды про болезнь.

— Рука-то? — переспросил он. — Э, мать ее в горле! Рука, действительно, не та. Когда я такл жемчужка, другое мне говорит: «Женя и с женой люблю, полюбозно. Ложиться будем — подглядывать под нее правую руку». Ну, я, почтывая, лет сорок и подглядывал. Вот, видно, и отлежала мне жена руку. Ишо, от этого.

Говорит, что старуха ходит и нешу чулки не каждый день. Он долгу с ней шепчется у двери и возвращается в палату с ключом спортивной и клубочек. Семенов, который не отключается от ушюноги, рассказывал, что бабка Маклакова — искусница по части стриптиза. А сам дядя Проня любит наемничать:

— И такие каклякляции едал на своем веку, не то что...

У меня странно болит нога. Но я стараюсь не показывать виду и, когда Семенов смотрит на мою ногу испуганными глазами, пытаюсь даже улыбаться. Самое главное, что боль не утихает. Когда человеку становится хуже, он начинает покусывать о желтой дриги, вроде раиса или зареживания крови. Страх — это всегда ожидание большего.

Но у меня пока боли не утихают. И старуюсь ни о чем не думать, но против своей воли вспоминаю озерверное лицо бандита и его пистолет, направленный на меня. И еще я вспоминаю основную поленицу, которую я в ярости пробаловал ртом и которая хрустела, как вафля.

Шюляер сегодня стал немного лучше. Он открыл какую-то книгу, но ему не читается. Полусидит, он смотрит в окно, и сегодня меня поражают его серые глаза. Грустные, знающие, почти спяющие. Сегодня он не будет ожидать моего жену.

В палату вошел доктор. У него деловатая походка и замечательная озабоченность на лице, какую не увидишь у врачей постарше. Вчера я заметил, как у него тряслись руки, когда он осматривал мою рану. Пожалуй, только благоговение, с которым его обуждала сестра, поменяло ему нравиться, что он, собственно, в этом ничего не смыслит. Обращаясь к ним, он сказал, что случай сложный и что болшой подлежит госпитализации в областной болшевик. Какое сказало-то!

Вчера мела пруда. Ехать в город было бесполезно: застряли бы, не выехали из поселка. Я договорился с Верой, чтобы она пришла сегодня утром, перед отъездом. Люди вроде Семенова, видно, и на подорожнике, как важно слышать по утрам голос жены.

Доктор пришел, значит, надо собираться; вид у него был куда более решительный, чем вчера, когда он ковылял в моей раде.

Я взглянул на Шюляера. Странный он человек! Мы бы могли с ним стать друзьями, но так и не стали за эти несколько часов.

Санитарка принесла мне одежку и помогла напялить теплый халат. Я спешу звать, чтобы не встывать. У Шюляера на лбу собралось крупное морщина: он мне сочувствовал.

— А бандитов-то поймали, — сказал доктор. — У одного из них сломана челюсть. Ваша работа?

Рисунки О. ВУКОЛОВА

Я кинулся. Это у того, что новыне. У него крупное лицо, и я бы умер с досады, если бы не испортил ему красоту. Я ударил его правой и почувствовал хруст, прежде чем услышал выстрел. Второй, тот, что выстрелил, был мал ростом и тусклым. Он стрелял издаലെ. Сползая с поленицыя, я швырнул в него горсть енега, и он побежал по дворовым задкам.

— Я бы вам дал орден, — сказал Школяр.

Мне хотелось бы знать, серьезно это или в шутку. Я вспомнил, что вчера только он один слышал мой разговор с милиционером, которого прокуратура ко мне. Глухо, если он считает меня героем. Просто и не трус, как те, что разбежались, увидев пистолет. У героев добрый характер. У них фотогеничные лица. Удивительно фотогеничные лица.

Я приподнялся на койке и заглянул в книгу, которая лежала на тумбочке. Она была раскрыта на том же месте.

Будь тамой, как невесте адепного, привнес из-за выток ласку и с волос твоих поседеницу, как снежинки, смежили седину.

прочитал. И Ненавижу поэзию за то, что она лезет в душу. Вся беда в том, что настоящая поэзия не бывает легкой.

— Простите, — сказал я Школяру. — Мне

бы хотелось с вами когда-нибудь встретиться.

— Надо упрощить доктора, чтобы заключил, — с улыбкой ответил он. — Я тоже был бы рад.

Меня положили на носилки, и я застал: кто запретит стоять герою? Носилки несли Маклаков с санитаркой и Семенов. У Семенова широкие плечи. Он еще не все потерял. Из него может получиться неплохой боксер. Только усы надо сбрить. Это раздражает противника и смущает публику.

В коридоре носилки поставили на пол. — Дядя Проня, — я протянул Маклакову руку, — надо бы привести тебе из больницы боксы для пескарницы. Попрошу у врача или урядку.

— А ведь привезет, хоть обгорки меня покладом, привезет, — обрадованно обратился он к санитарке и повернул плечевой головой.

В дверях я увидел Веру. Она была в широком пальто, какие время от времени надевают замужние женщины. Это их утешает, хоть я и не видел еще такого простяка, которого обманула бы самая широкая одежда.

Я махнул ей рукой, и она отыгала мне улыбку. Милое лицо, которое не смогло обезобразить даже эти ужасные пятна.

— Братва, подоседа-ка меня к двери, — попросил я Маклакова и Семенова.

Жена уговаривала доктора, и мне ее стало жалко, когда я услышал, как он ей с докторским неприятием тайн посоветовал сидеть дома.

— Доктор, — сказал я, когда носилки поставили у его ног, — моя жена поедет со мной.

— Да вы что, — возмутился он, — в тюрьму меня посадить хотите? Она же родит в дороге!

Фраза была почти колоратурной, и доктор едва не сорвал на ней голос. Я ему простил его гнев, потому что он не знал мою жену: уж если она захочет, то не родит, будьте покойны!

— Доктор, а она ведь все равно поедет, — спокойно возразил я.

У него отвисла челюсть, и это доказывало, что он еще не отвык удивляться клиническим случаям.

— Почему? — наконец выговорил он. Вопрос прозвучал довольно простодушно, и я объяснил ему:

— Вам словлавно меня оперировать, но вы испугались и потеряли много времени. Если не поедет жена, и тоже не поеду. Вам лучше знать, чем это пахнет, — нагноеение, зараженные крови...

Теперь я был доктором, а он больным, и я комьярлся в его рапе, как хотел. Ему было

Прошло больше часа. Мы размыкали руки, когда Дуся заглядывала к нам. Вера была почти спокойна, и это лишний раз возмощало зарвать что есть мочи.

Стало холодно. И выпал весь снег, но у «стародысь» больше ничего не было. Ветер облепал машину и терся о борту штегинской шеной. У двора намело пологие снега. И уже никак не мог вспомнить, как пахнет основная половина.

Шум мотора мы услышали почти одновременно.

— Ну? — спросил я Веру.

— Все в порядке! — ответила она. Пустяк скажет это доктору. Я-то знаю, когда у нее все в порядке.

Большая машина медленно приближалась к нам. Дуся закричала нам в окошечко:

— Сейчас будем в городе!

Она открыла дверь и спрыгнула с подножника. Мы услышали крепкий мужской бас: — Девушка, лезь-ка назад. Этого ветра даже штанину задирает — не чета твоим юбкам.

И gustой, набатный смех, к которому Дуся присоединила свой колокольный.

Машины соединили гроом. И догадался об этом по металлическому скрежету.

Вера, крепкая, родная! — прошепел я, не в силах больше смотреть на ее губы.

— Хорошо, — тихо сообщила она.

Шофер встал на сиденье, завел мотор и включил передачу. Потом заскрипел буфер, и мы почувствовали, как поднимается передок нашей машины.

— Держись за меня! — успел я крикнуть Вере и подать ей руку.

Задняя ось машины рванулась вниз, а потом плавно выровнялась.

Скрипел снег под колесами.

Когда машина вылезала на шоссе и «ЗИЛ», за которым мы шли, свернул налево, и крикнул шоферу!

— Приветств, голя!

Вера осторожно подошла к окошечку и сказала Дусе что-то по-своему, по-бабы. Машина резко рванулась, и мотор зашел на самые высокие ноты.

«Еще двадцать минут, еще двадцать минут», — раздался я в шинищем скольжении колес.

Я могу встретиться в больнице с тем гадом, которому сломал челюсть.

Скоро выйду! Мылакова. Завтра я укроду божю для него.

Мы так и не поблагодарили шофера, который нас вытнул.

Громок движения временем усиливался и мгновенно ослабевал — это проносились ветреные машины. Их словно отбрасывало ветром.

«Еще десять минут, еще десять минут», — улюлюкала ветер. Вера сидела приложившая и бледная. Вдруг она спросила!

— Мы снова будем готовить немецкий вмести?

Я удивился ее спокойствию и обрядовала.

— Конечно, — поспешио ответил я. — Мы

снова пойдем в парк на ту скамейку и поставим колеску с нашим Димкой в тени, а ты будешь гонять меня по всему словарю.

А Димка будет реветь. И ты ничего не вычистишь и будешь плакать.

— Ничего. Немецкий переведемку с международным «у-а-а» — это даже забавно.

— А ночью будет все самое, и все ночи будут такими же. И ты будешь чертальши и аяно.

— И все-таки институт я не брошу. Вера покажала мне руку. И снова увидел улыбку на ее бледном лице.

— Это мне и хотелось услышать, — сказала она.

— Правда? — Конечно, глупенький!

Она была моим гениальным двойником, и поэтому мне часто не удавалось понять ее до конца.

Машина обвилась ход. Мы въехали на город.

Он запомнился мне серым и атоматическим в своем внушительном дыму. В «Гипроприборе» я до одурения переводил кальку. Меня раздражала тушь на моих руках — красивая, перобачка грязь. В перерывы я бормотал на речку, кидаясь и смотрел на стадо коров, которое бродило по берегу за железнодорожным мостом. Это было лет пять назад. И теперь я узнавал его, этот город, по грохоту, по цветным светофорам на улицах и по запахам.

Мы остановились у перекрестка, а потом свернули налево. Мимо проносились машины. Их было много: тяжелые — с грузом и легкая, как птицы; остроносые — из дальних мест и юркие — аземские. И их развлекло по шуму, потому что, приехав из района, был потрясен этим шумом и не мог его не слышать.

— Что ты загрусил? — спросила Вера.

— Скверное, должно быть, дело — не видеть из окон роддома своего мужа.

— Это ничего. Я Димке все объясню.

— Ладно. Ты меня успокойся.

Заскрипел тормоза. Машина встала, и почти одновременно с этим Дуся открыла нашу дверь.

— Ну, дождь, кажется, дохался.

Я несколько улыбнулся: уж очень она была города своим мужеством. Даже пошутила. И это та самая Дуся, от которой мы то и дело слышали: «Большая, мы этим не шутим!»

Вера встала, а потом снова села на край носилок и подолвала меня. И все. И никаких слов. Тихое поскрипывание снега под ее ногами. И пржедо чем они замерли на крыльце, их заглушила пугра.

Через несколько минут пришла Дуся.

— Все в порядке, — сказала она.

Что она еще могла сказать? Я посмотрел на нее уже спокойно, и она поспешила в кабинет.

Как только тронулся машина, я наконец громко и почти с наслаждением застонал — знал, что мой стон заглушит мартовский ветер.

Дорога редакция!

(Я прочитал в вашей журнале (№ 24 из 1962 год) небольшую заметку о командире корабля «ИЛ-18» Любове Улановой. Мне очень хочется знать, как она стала летчицей и вообще о ее жизни.

Валд Комптова,
учащийся технического училища,
г. Ангарск.

Самолет потерпел аварию. Завыли сирены, раздарила аэродромный воздух сномими воплями. Через все летное поле к самолету помчались санитарные автомобили.

В штабе отряда раздался тревожный звонок. В комнате дежурного ветра тесно — никто сидит на подоконниках, стоят вдоль стен, толпятся в дверях. В ожидании. Кругом запах больницы, тишина.

Наконец появляется хирург.

— Положение тяжелое.

Он уходит. А люди остаются. Они стоят вдоль стен, сидят на подоконниках, толпятся в дверях. Опять напряженная тишина. Только женщина лет сороба, прижав к глазам платок, шепчет:

— Любка, Любка.

Когда они познакомились, ей было шестнадцать. И все знали ее Любкой. Любкой и теткой. Тетка выбрала ей профессию. Давала недолго: рядом с домом открывались бухгалтерские курсы. Любка не противилась. Учила «бухучету, баланс, кредит, дебет. Вечеринки читала. Выхлеб. Все: газеты, Пушкин, Гриня... А потом ей выдесла магнитка, где над цехами ревели аэралье паруса. По Комсомольску ходили ее подружки, одетые в кожаные куртки. В Карикамах незнакомые, но чертски родные ребята реались сквозь зубные пещеры.

Любка аписывала цифры в розные колонки. Складывала, умножила, делила, вычисляла проценты.

А перед глазами стоял самолетик Нансен. Вот уже который раз он приходил к Любке, вставал напротив, прямо у стола главбуха, закуривал трубку, качал головой:

— Эх ты, Любка-счетовод! Да ты богины выдала!

Любка Богины никогда не видела и потому отрицательно мотала головой.

А Нансен говорил:

— Есть такая богиня! — романтика... Она вдохновляет людей к познанию, ведет их вперед. Романтика рождает в людях дух отваги и извечное стремление преодолеть трудности на непотопленных путях исканий. Романтика придает человеку силы для путешествия по ту сторону обыденности. Это могучая пружина в человеческой душе, толкающая на великие свершения...

Как-то ночью Нансен пришел к Любке домой. Любка ждала его. Она села на кровать. Взяла со стула книгу, где лежал листок из ученической тетради.

Любовь

— Послушай, Нансен,— сказала Любка— я написала так: «Начальнику морского училища. Заведению от Любови Улановой. Знаю, что романтика рождает в людях дух отваги и извечное стремление преодолеть трудности, я прошу принять меня учиться на кадетна».

Нансен сказал: «Отлично. Так держаться! Но, несмотря на это, учиться она капитану Любку не влезла. Она расстроилась, обиделась на Нансена и... ушла кلاس Блюком. И все-таки не зря говорят: старая дружба не ржавеет. Любка ждала Нансена. Она знала: придет Фрицгоф, что-нибудь придумаем. И он, конечно, пришел. И позвал за собой. Так Любка встретились с городским авиокомом.

Их было шестеро девушек, подавших заявления в авиационное училище. Приняли восемнадцать, в том числе и Любку. (Как случилось, что она сумела обмануть врачей? Не знаю. Но факт остается фактом: и два десятка лет спустя после первого полета Любовь Уланову унаследовал самолет, едва она оставляла летать машину.)

Любка училась в те годы, когда Водопьянов уже летал на Северный полюс. Чкалов пересек без посадки всю страну с запада на восток. Громов готовился к прыжку в Америку. Коскинки штурманом один за другим ирригировали рекорды высоты. Трезубов, Бонин и Раскова создали женский экипаж. Любка грезило быть так же, как они,— умелой и храброй. Этому ее и учили. Ради этого она и училась. На котлинок. Потом в большом и нерядном зале ей вручили диплом летчица и назначение на работу в Сибирь.

И все появилось «Ю-2», маленькая и послушная. Она возила на нем драгоценные грузы: консервированную кровь в тежные больницы и тяжелые машины с запчастями в добрых санях. Возила день за днем. Она не открыла, как когда-то мечтала, но новых материков и архипелагов. Но шла нетропическими путями. И на этих путях училась не бояться трудностей. Ей уже было ничтоже морозы и буря, посадки она вы-

нужденную при отказах двигателя, новетки в тайге.

Потом Любке стало трудно. Трудно как никогда. Трудно, как всегда: началась война. В полдень 22 июня 1941 года она написала первый рапорт с просьбой отправить ее на фронт. Отказали. Она писала рапорт за рапортом. И отказывали один за другим: «Мало опыта летной работы». Опыт летчика, твердила Любка,— это нелегкие часы. Сев писать восьмой по счету рапорт, она была уверена: не откажут. Но опять отказали: «большой опыт работы в условиях тайги не позволяет удовлетворить просьбу из-за отсутствия разностороннего замещения.

Потом, после войны, Люба летала в Прибалтике. Штурвал «Ю-2» она сменяла на штурвал «ИЛ-12». Я пишу это теми же словами, как когда-то сменяла на «другой». Поверьте, это далеко не одно и то же. Это и «кох, до чего трудно», и в поисках прокуренных губок, и раннее неизвестные условия, когда впервые на «ее борту» уже два десятка пассажиров, и коть умю, а довести их нужно в абсолютной целостности.

Летал Любин самолет. И незаметно летели годы. Вот уже и не Любка она, даже не Люба— Любовь Михайловна. Вот уже за плечами пять тысяч часов в воздухе. Семь делов. Приборы насчитали миллион километров. Внимания: миллион километров! И потом: «Вам разрешено пройти курсы переподготовки на воздушные «ИЛ-18». Помнимте разницу: «Ю-2» и «ИЛ-18»? Моторчик в сто восемьдесят сил и четырехерное сердце, мощность которого— шестнадцать тысяч «шагвед»! Сто— и восьмистоткилометровая скорость!

Буде месяцы. И, наконец, когда трудно, ночью свидания со стариком Нансеном. И с Гринком, конечно: он обещает ее кораблю алье паруса.

На первом авиозаволазе горланят радиотрубки: «Объявляется посадка на самолет «ИЛ-18», выполняющий рейс Свердловск— Москва». К машине идут пассажиры. Восьмидесят человек! Ну, дерзись, Люба! Она пододвиг и трапу послед-

ней. Экипаж идет. Даже девушки-стюардессы. Выстроились в ряд... Товарищ командир корабля! Машина к полету готова.

Здравствуйте, друзья! Не страшно с бабай? Ну, тогда в путь!

И первая в мире женщина занимает командирское кресло турбовентиляторного лайнера.

— Разрешите запустить. Разрешите взлет.

— Счастливого пути, Любовь Михайловна! И опять летят годы. И со стороны кажется, будто алье паруса несут Уланову к вершинам трудно мастерства, а это труд, труд еще раз труд. Вот она уже командует эскадрильей «Илов». Вот становится заместителем командира отряда.

Рейс планировался на завтра. Но перед тем решили провести сорокминутную тренировку. Любовь Михайловна полетела поворачивая: поворачивания нового командира всегда на месте вето полета.

В сложных условиях возвращалась на аэродром. Выпустили шасси. Машина ошестинилась, закрылками, как положено по инструкции. До посадки оставались считанные секунды. И тут машина клюнула носом.

— И вот госпитали. Другая стоит вдоль стен, сидят на подоконниках, вылетают в двери.

Опять folytatив врач.

— Ну, скажу вам, организми! Честное слово, еще летать будет. Самов страшное позавид.

Он был прав. Только не совсем. Вперед, Любовь Михайловну ждали тяжелые недели и месяцы. Дело не в ожогах рук, не в переломе,— в душевной травме, нересивной черствости людьми. Причиной аварии они угтадели в ошибках, допущенных Улановой при выполнении обязанности пилотирующей. А ведь никаких ошибок не было. И лучше всех тогда это знала сама Любовь Михайловна.

Да, она не открывала архипелагов. Но жажда к поиску, рожденная романтичными чувствами юности и пронесенная до сегодняшнего дня, позволила ей от-

крыть нечто более важное: веру в настоящего человека. В того самого человека, которого весь мир зовет Коммунистом. Таких людей она знала тысячу. Она знала их, ибо жила, работала, боролась, дашала вместе с ними.

И такой человек пришел. Он не был мореплавателем. Завел его не Фрицгофом Нансеном. Он был коммунистом, летчиком-испытателем по имени Борис. Ни он, ни его товарищи, ни его начальники не поверили в кошбику Улановой. И Борис пошел в полет, чтобы создать своей машине такие режимы, при которых с другим самолетом случилась беда. Он пошел минимизировать условия аварии.

Борис нашел причины, приведшие к аварии. К счастью, сам он вернулся на аэродром целым и невредимым.

Миф об «ошибках» Улановой был развеян мужеством, отвагой, инженерными знаниями ее духовного брата и коллеги по профессии. (Истать, вот уже сколько лет прошло с тех пор, а Любовь Михайловна и Борис так по сей день и не видели в глаза друг друга.)

«Объявляется посадка на самолет, выполняющий рейс Москва— Рига».

Если вам лететь этой машиной, подюда к ней, взгляните, не стоит ли на перроне высокая златокудряя женщина в форменной одежде «Аэрофлота». И если увидите ее,— это Любовь Михайловна.

Она обязательно дождется, когда вы займете места в салоне, но быстро взбежит по трапу, придет в пилотскую кабину на место командира.

— Разрешите взлет.

— Счастливого полета, Любовь Михайловна!— ответит землянка.

Воздушный лайнер ринется вверх. В глубине салона он поплывет, поплывущая, твердой руке замечательной женщины, ее мужество и отвага, помноженным на опыт и знания. А мы будем по-корочному замедлять ее, потому что над ее кораблем (постарайтесь увидеть это!) реют алье паруса, с юности зашпавшие в сердце летчицы.

Бор. СЕМЕНОВ

Когда, усвоенные успехами в «капустниках», талантливые студенты Мавроди те же тактиками и тактикой показали верную программу своего эстрадного коллектива — «Мы строим наш дом», стало ясно, что среди столичных эстрад появились что-то новое и прямо скажем, самодельное. И, по-моему, большее, нежели обычная самодельность. Теперь эстрадная студия МГУ играет свою вторую программу — «Прислушайтесь — время!» Это уже не студентство. Это совсем, совсем другое. Некоторым зрителям порой жаль узодержать специфически студенческой юмористики, милых шуточек о том, как светятся знамена «ни бум-бум» не знающий переступит как лодка, не выживается «все знающий» трюк-курсия. Ничего этого в новой программе нет. Есть мысли о том, как складывается судьба молодых в сегодняшнем мире, как приходит и уходит романтика и откуда является скука и обидительский практицизм.

Помню, как шумели на обсуждении этого спектакля в клубе на улице Герцена. Большинство приветствовало, одобряло, но возмущался я такой:

— Какая же это студенческая эстрада, когда часть исполнителей уже не студенты?
— Вы не должны выходить за рамки студенческой тематики!

— Почему на ваши спектакли приходит равная публика, ее не надо пускать!
И, наконец:

— Язык нашего искусства слишком сложен, рабочие нас не поймут!

Тогда на трубу (впрочем, трибуна как таковой не было, каждый выходил на эстраду и говорил) поднялся рабочий одного московского завода и промолвил самоу, по-моему, интересную и умную речь вечера. Из его речи выливалось, что вышениженный язык, знакомый еще Маяковскому, исходит от людей, близко не подходящих к современному заводу. Оратор разъяснил собравшимся, что такое наитома, и что такое интеллектуальный уровень молодого советского рабочего, и как осмыслительно слышать, когда современного рабочего представляют таким взрослым дитятей, воспринимаяющим лишь хорошо прожеванную духовную пищу.

Одним словом, решительный выход создателей эстрадной студии МГУ за пределы университета во всех отношениях был поддержан.

Итак, Прислушайтесь — время! — сознательная попытка создать эстрадное представление, которое заставит зрителя не только посмеяться, но и подумать.

Вот как выглядит программный номер — пантомима, выражающая отношение за историю. Застыли в круге одежды в черные трусы юности и девушки. В центре — человек с маятником. А за пределами круга — скорченное существо. Начинает бить часы, и круг закружился. Существо вше круг медленно выпрямляется и поводит глазами, озирается вокруг. В руках девушек и юношей появляются изображения. Кусок ледника. Древний вапоритон. Пальма. Пирамида Хеопса. Парфеной. Панаиская балка. Кремль. Собор Парижской Богоматери. Бьют часы. Идет история создания. А параллельно нагло шагает история разрушения. Существо натиснулось на лавосей. Камеш поилое какает в спине непустых ладонях. Существо замкнулось. Убило. Оно распрямляется, все больше превращаясь в человека. Оно выломало из дерева лук. Замкнулось. Убило. Это уже человек, властелин и повелитель своего движения. Он идет конь. Убивает. Выгуляет конь — получил лук. Натягивает тетиву. Убивает. Выковал меч. Убил. В руках винтовка. Прицелился. Убил.

А круг все движется. На поднятых руках теперь атрибуты нашего времени, современные здания, конструкция. Звучит электронная музыка, багровый свет заливает сцену. Человек вше круга сбегает на площадку, похорошею на стартовую вышку для ракет, поднимает руки и алмирует. В руках у него бомба, не кавал-ивбудь, а та самая, которая может стать последней. Круг останавливается. Че-

ловек смотрит вниз. И появляется огонь: его изображают три девушки в черном трико и в красных перчатках. Огонь разрастается. Человек смотрит вниз.

В зрительном зале возникает огромное впечатление.

Так символически передается час размыслил человечество.

Вряд ли надо разъяснять, как это актуально сегодня, когда на наших глазах человечество только что пережило этот час, загаяну в термодерную крошечку.

Наука выдержала. Человек медленно опускает руки, вытирает пот со лба и оглаживается по сторонам. Он замечает других людей, видит прогнанные к нему руки, познмает их, возвращаясь из гнилого атомного кошмара. Круг снова закружился. Теперь на поднятых руках космические корабли, галактические гуманизмы, беспрельные прост-

ранства, в которые устремляется человеческий разум.

Думаю, не все удалось, не все, как говориться, вышло в этой пантомиме. Возможно, в двух-трех местах следует ввести слова, но пояснения мысль, а выражающие ее. Двух три слова, ярких, как молния, весомых, как стихи Маяковского, логических в истинном смысле. (Кстати, традиция поэта революция просматривается в этом спектакле.) Но дватри слова, выражающие мысль, — это не погон слов-предисловий, дотошно, как маленьким, разъясняющим, что сейчас будет. На одном из спектаклей попробовали так сделать — получилось плохо.

У некоторых деятелей профессиональной эстрады возникло сомнение (по крайней мере, я слышал, как об этом говорили): а не слишком ли все это велико для эстрады? Ее ли это дело, такое быть, она вторгается

ДУМАЮЩАЯ ЭСТРАДА

А. СВОБОДИН

Фото М. МУРАЗОВА

здесь в область трагедии? Что такое хорошая страсть? Это удачная реприза, забавный концерт, но не болель.

Однако студент (а они в данном случае составляют большинство зрителей) привлекат не только форма, но и содержание, действие, выражающее мысль.

Да, но все вошло в первом программном номере. Где-то усложнена пантомима. Девушка в красивых прическах, изображающая огонь, чуть-чуть напугана. Но что на то-то? Желание соединить пантомиму, слово, музыку, изображение и получить новое искусство выдержки. Тем более, что во многих номерах удается достигнуть единства. Образец такого достижения — эпизод «Скука».

Справа, на авансцене, два юноши и девушка в черном трико лениво перебарывают друг друга детским воздушным шариком. Иногда шарикбурблетронет его как прическу за на-

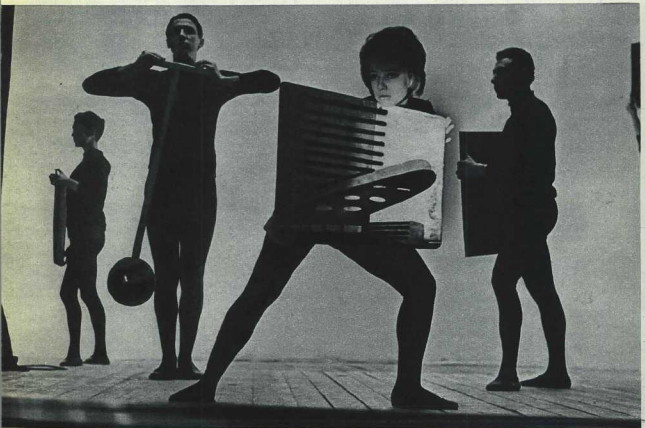
шию. Однако они странным образом напоминают солдатские каски. В середине сцены появляются юноша и девушка, звучит музыка, размыгивается некая сцена, символическая вечная юность жизни и вечное ее обновление. А с помоста несутся военные призывы, и как заклинание, звучит слово — выстрел, выстрел, выстрел... Гаснет свет, удар свет зажигается, и вместо юноши и девушки — две фанерные мишени, вместо жизни — прах. А на помосте — другое существо, оно уже не возмущается над уровнем неинтересности, скорее животное, чем человек. Оно безумно кричит. Следующее существо уже не вопит, а просто машет руками. Но на нем смирительная рубашка. Символ поняти.

В этом эпизоде отличные стихи. «Аты Дав! Аты Дав! Выше ногу! Выше ногу! Лечь! Вставай! Вставай! Лечь! Носом в вымытую де-

ворню спорта на представлении, организованном профессиональной эстрадой и назначением заключением о том, что организаторов воодушевляла идея мира, но где потом исполняются такие куплеты: «Говорная баба деду: покупай ты мне «Победу», а не куницу мне «Победу», я уйду к другому деду!» И это в присутствии двенадцати тысяч зрителей, не знающих, куда деваться от стыда за частотого «ведущего», позволившего себе эту пошлость.

Можно найти истоки студенческой эстрады. Здесь и традиции нашей «Синей блузы» и народной пантомимы. Можно усмотреть что-то от московской студии Александра Дункан и от других являлись искусства. Все это можно здесь увидеть, если уж обязательно нужно знать истоки, хотя наверняка создатели спектакля ни о чем таком не думали.

Просто эстрада МГУ размышляет со спе-

Пантомима «Мир в любви». Малютки отсчитывают часы, годы, эпохи. Человечество мучится, мурыет, создает.

Война — безумие. Гром выстрела, гаснет свет, и вместо деда влюбленного — два безразные мишени. (Снимок внизу слева).

Финал. Звучит песня о дороге и как символ ее белые ленты тянутся со сцены через весь зрительный зал.

зду, на секунду возникает «громкий» смех. Паузы все длиннее, ритмы все замедленнее. Атмосфера смеха завладела зрительным залом. И тогда один из юношей произносит: «Скучно». С точки зрения правдивой пантомимы — это незаконно: если уж молчать так молчать! Вот, скажем, Марсель Марсо ведь молчит. Но надо слышать, какую несомненность приобретает это слово и «бессловесно» спектакль. Это похоже на фильм, где долго-долго идет изображение, а слова все нет. И наконец как гром с ясного неба, падает слово. Тяжелость его огромна.

— Скучно, — произносит один из участников трио, и тут же на него обрушивается словесный поток четырех бравых демагогов, которые подкашивают хорон бюрократическую радость всеобщей. Остроумный текст, произносимый быстро, резко, с напором, но в строго организованном ритме, не противоречит пантомиме, а, естественно, дополняет ее. Поток искания, и на сцене снова трио лениво перебарывают шарик. Скука!

Это одна из наиболее острых сатирических сцен, какие нам приходилось видеть на эстраде.

Удачное соединение получилось и во втором литовском эпизоде спектакля. На одной стороне сцены — ведущий. Он говорит о радости жизни, любви, о юности мира. На другой стороне — помост, на котором, смеясь друг друга, появляются странные существа. Нагие физиономии, бессмысленный взгляд. На голове не то каски, не то ми-

рогу! Фланги! Подтянуться! Фланги! Фланги! Черт бы вас побрал! Не отставать! Не отставать! Аты! Аты! Аты!..»

Это очень сильный номер, а то, что вместо касок у солдатиков на головах каски, обычные алюминиевые каски, производят жуткое впечатление.

Вот так и надо вести с эстрады борьбу за мир, а не так, как это было однажды во

ны о проблемах нашего века, как думает о них советский молодой человек. И это стоит поощрять. Мы за путь «душной эстрады», той эстрады, которая не только развлекает, но и борется со всем тем, что нам мешает.

А в заключение хочется высказать надежду, что коллектив не забудет и свой студенческий юмор, всегда и для любой аудитории обязательный.

ДЕЛОВАЯ РАБОТА

Понимаешь, вдохновение обязательно. Нужно загореться, мужиченно почувствовать человека, нужно заглянуть в его душу, заглянуть так, как может, но и сам никогда не заглядывай. Без этого невозможно добраться до той самой детали, с которой начнется все...

Кому принадлежит эти слова? Поэт? Художник-портретист? Композитор? Ни тому, ни другому, ни третьему. Слова эти принадлежат Коле Кудрявцеву, комсомольскому работнику.

Я не просто пишу.

Я пишу и люблю.

Спорю, в общем-то, с нехлюком парнем. Он работает, хотя брьюки у него в обтяжку. Он носит такие рубашки, от которых приходит в недоумение лошадей. И тем не менее строит отличные дома. Меня не смущает даже борода моего оппонента: в конце концов истории известны целые ряды бородачей, которые совсем не плохо провалили себя в жизни личной и в жизни общественной.

Одним словом, борода меня не смущает. Меня бесит другое: с антоном несвязны ни судят о том, в чем осведомлен только панашык. Притом судят категорично. С этим-то бородатым юношей ни и спорилась о Коле Кудрявцеве. Он слушал меня и настойчиво повторял:

— А я тебе говорю: брось. Какая это, к черту, работа? Написал справку, надежд на телефонные сведения, сказал речь с трибуны — и все. Вся работа. Давай, мол, ребята: раз-два — взяли и привез. А работа должна быть призываемой. Тобы как атомный физик. Как строитель. Как врач. А тут комсомольская работа. Нет, точно тебе говорю: брось.

Я не бросаю.

И буду спорить. С тобой и с теми, кто думает так же.

Он был бригадиром механизаторов, Коля Кудрявцев. И было Коле Кудрявцеву, честно говоря, не очень весело.

Нет, работники ребята хорошо. Слосно, можно сказать. Но бездумно: отбаранива свои — и головой в подушку. Спокойно... Бригадир тоже обалдел с подушкой, но ему не спалось.

Бригадир думал. Велух. Чтобы сымаляк ребята... И думал бригадир о жизни, о том, что хорошо работать — это еще не все; о том, что нельзя строить коммунизм с шести утра до шести вечера с перерывом на обед; о том, что скоро против умах рук будет крайне мало; о том, что когда-нибудь люди будут предъявлять друг другу документы, а сердца. Что тогда предъявят его ребята?

Бригадир думал вслух. А ребята не спали: они учились. С начала каждый сам по себе, потом все вместе. Сначала каждый только о себе, потом каждый о всех. И наконец, каждый за всех. Так в бригаде Коля Кудрявцев и появились свои железные правила: я отвечаю за тебя; ты учишься — и я учусь, научился сам — научи ме-

ня; коммунизм — это и труд, и отдых, и отношения между людьми... Ты чувствуешь, мужиченно оппонент, — это на что-то очень похоже. На заповеди коммунистических бригад, не так ли? Только было это все задолго до того, как комсомольско дело Москва-Сортировочная подняли молодежь на борьбу за коммунистический труд.

Идея, как говорится, носилась в воздухе. Ее нужно было воплотить во что-то очень точное, очень осязаемое и отдать людям. Но бригаду Коля Кудрявцева не поняли. Не потрудились понять. Не захотели просто-напросто. Наверное, глядишь еще были свои Коля Кудрявцева. И глядишь еще от них отмахнулись. На Москве-Сортировочной не отмахнулись.

Количество всегда переходит в качество. Это закон. И то, что бригада Коля Кудрявцева первой в области стала коммунистической, не удавалось ни Коле, ни его ребята: они были готовы к этому, а проблема приоритета волновала их меньше всего. В конечном итоге не очень важно, кто начал доброе дело. Важно то, что оно действительно добро.

А для Коля вся эта история была, как выражаются историки, переломным пунктом. Велухе от отмахнувшись комсомольской работой, человек, который в силу положения своего должен был за версту почувствовать глубину затененного Колы бригадирского дела. Но не почувствовал. Почувал Коля. Почувал, что нельзя отмахиваться от новшества только потому, что оно тебе непонятно, чем таблица умножения.

Так чувство победы стало главным в характере Коля Кудрявцева, который сам вскоре стал комсомольским работником.

Задумается хотя бы на секунду, бородачь, и ответь: разве не это же чувство нового увидит физик в недра атомного ядра? Подумай. Вот тогда и продолжаем наш спор.

Человек с блокомто производит удручающее впечатление: кажется, он не разговаривает с тобой, а допрашивает тебя. Но человек приехал готовить вопрос на бюро... (Есть такой термин: «готовить вопрос») И без блокнота человеку не обойтись!

А около него механизаторы, комсомольцы, ребята. Такие же, какими был еще совсем недавно он сам и каким, собственно, остался, несмотря на «рукотворящую» комсомольскую деятельность. Ребятам этим ровным счетом нахвать на то, что Коля приехал готовить вопрос. У них ни матрицы, ни подушек. У них ни хлеба, ни воды. У них, в общем, сплошная работа и никакой личной жизни. Все это можно бы, конечно, занести в блокнот и поощрять — чтобы инбудь в плане строительства изощрится недостаток... Но Коля с самого начала спрятал блокнот: бумага — плохое оружие там, где начинают люди. Коля пошел на склад. Там было столько угодно. Ребятам и еще больше подушек. Хлеб тоже был. И не только хлеба...

Не было лишь одного — чуткости.

У управления... на директора... Коля пошел в райком партии и попросил полномочий на предмет разговора с администрацией. Полномочия дали, и тут же был создан комитет комсомола. Директора выгнали. Управляющий делами, Базилевич, а не пригласили. И поговорили с ними с позиции силы: вели комсомол — это сила! Факт, о котором мы часто говорим с трибуны и еще чаще забываем, не успев даже допустить бурные аплодисменты...

Ребяткам дали все и матрицы, и подушки, и хлеб. И еще ребятами дали уверенность в том, что они могут добиться чего угодно, если каждый оштит в себе эту неизбывную комсомольскую силу. Вот теперь можно было доставать блокнот: подготовка вопроса шла отлично!

Ясное дело, это не дневник. Это деловые записи, сухие, без лирических отступлений, без широких обобщений и без углубленного рассматривания своего собственного «я».

«У Федора кукуруза в два с половиной метра, образования — пять классов... Поговорили о заочной учебе...»

«Ребятикулы слышат экзальцию в юридическом. Не пущать — грех. Пущать тоже нельзя... Решили просить разрешения сдаться во втором потоке...»

«Начал полтора беседовать с дежачными комсомольцами. Двое. Учились заочно, жив в поселке... Соборился уезжать. Кажется, убрел, что их место здесь!»

«Комсомольский... Эта работа с человеком. Истина, откровенно говоря, азбука, но ведь и в основе самой сложной математической формулы лежит простое «дважды два».

Я вижу, ты хочешь возразить, мой оппонент, что есть, мол, и другие комсомольские работники, которые смотрят на человека сквозь кооперативную бумагу. Правильно, есть. От этого никуда не денешься. Но не они — лишь. Они скорее всего прищ на лице.

Я привел несколько записей из блокноты Коля Кудрявцева. Каждая из них — человек. А все они, вместе взятые, говорят об одном: о великом бессонности Коля Кудрявцева, комсомольского работника, за свой край, за свою землю. Потому что как бы ни была богата земля, без человека ей ничем не прожить своего богатства. И Коля борется за человека, борется убежденно, страстно, не боится запущенных слов, ни звонких лозунгов.

Короче говоря, попутки могут не рассматривать в сторону Коля Кудрявцева. Их не бодает. Но современники Коля вполне могут рассматривать на его влюбленность в человека, на его преданность человеку, на его яркость человека.

А теперь подумай и ответь честно самому себе: разве не это же чувство глубокой, но внешне скромной любви к людям поднимает в полночь с постели врача к больному, дает ему силы в борьбе за человеческую жизнь? Подумай.

Вот тогда и продолжаем спор.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ЭТИ СЛОВА?

РАЗГОВОР С ПОЗИЦИИ СИДЫ

МАХНУТЬ РУКОЙ — ЭТО САМОЕ ЛЕГКОЕ

ТЫ НЕ ПРАВ (БОРОДА)

ВЕСЕЛЫЕ ЧЕЛОВЕКИ

Это очень удивно: жить в Москве — посещать выставки и диспуты, спорить и обнаруживать в споре свою дружность. Это очень приятно: кругом ходят истинные деятели и ценители.

— Ах, этот, с Бородой, не пропускает ни одного вернисажа!

Ну, а если до Москвы десять часов лету? Если до Москвы десять пыльных километров и вес-таки нужно ехать, потому что пошли дожди и гибнет хлеб, гибнет титанический труд?

Можно плюнуть на все, и не унывать по утрам, и не браться... Это легче всего. Но когда в совхозе подняли на ноги всех, когда ребята отстояли все, что можно было отстоять, и когда стало ясно, что весь хлеб счастья не улетает, Коля сел и уронил голову на стол.

Он так и не узнал, откуда взялась маленькая, размером в потную открытку репродукция «Последнего дня Помпеи». Может, она просто валялась на столе. А может, кто-то очень хитрый и ядовитый положил ее рядом с Колей Кудрявцевым, комсомольским работником? Все может быть... Но Коля взял открытку и долго рассматривал ее. Он знал знаменитую картину Брэммонда. Он чувствовал, что черно-красный фон, прорезанный стрелами молнии, только усугубляет состояние тревоги и безысходности. Но мало шутки, кому-то нашему открытку, репродукцию не вывала у Николая мрачных ассоциаций.

...Искусство — это тоже не просто так, мой бородатый оппонент. Оно не только и не столько средство самовыражения, сколько сила, способная поднять человека на вершину человечества.

Я видел у Коли Кудрявцева коллекцию репродукций с картин великих мастеров. Я видел у Коли журналы и книги, раскрытые на пятых и на сто пятых страницах. Я слушал у Коли пластины: старые напевные мелодии в захватывающе напряженном ритме комсомольские танцы.

Зачем это все ему, если комсомольская работа такая нехитрая вещь: pokrутил телефон, написал справку, крикнул очередное «дай-дай» — и пошел заслуженно отдыхать? Зачем все это? Тебе не ответить на этот вопрос, потому что ты неправ, мой оппонент.

Да, да, комсомольская работа — это и понимание искусства. Но не это искусство, которое имеет всего одно измерение и в котором индивидуум не ищет ничего и никого, кроме самого себя. Искусство многомерно. У него все три и даже все четыре измерения. И искать в нем нужно жизнь. Так думает Коля Кудрявцев, комсомольский работник.

Я думаю и честно ответить самому себе: разве умение славить себя с искусством и славиться жизнью не было главным в творчестве великих живописцев? Подумай.

Вот тогда и продолжим наш спор.

жая: пришли дожди, и зеленые стрелы шипели стремительно разбухнув в небо.

Но весна — это только начало.

А в июле был зной. И в августу был зной. И ребята ходили хмурые: они знали, что цыплят считают по осени, а осенью, может, и считать нечего будет.

Проще всего было, разумеется, махнуть рукой: природа — это природа, на бурю обрима ее не вызовешь. Но люди все-таки вырастали хлеб. Пусть слабый. Пусть не такой, какви изволок его весной — в мечтах об осенних победах. И вот этот хлеб ну никак нельзя убирать в сжатые сроки и без потерь.

...Я вижу, тебя поработит эта фраза: «В сжатые сроки и без потерь». Что и говорить, изыщешь словосочетание здесь и не найдешь. Но когда в булуночь нет свежего батона, ты требуешь кинуть жалобу, мой бородатый оппонент, и оставляешь в ней свой автограф, несколько не забывая о стиле.

А ведь путь батона на прилавок начинался там, в степи, по которой мотался Коля Кудрявцев, комсомольский работник. Мотался и слушал, как крики механизаторов сбавлялись последними словами. У него не было запасных частей. И книги жалоб тоже в степи не валяются. Ребята брали за горло Колю. И он не отмахивался от них. Он понимал, что дорог каждый час, что промедление может погубить то, что уберегли от суховея.

Коля бросил степь и вернулся туда, где под белыми тучами только только выскользнула «Сельхозтехника». Он грозил ходил по кабинету. Даже удивительно было, что в таком невниман, шутовском паре скрываются постылые громовые раскаты. В кабинетах дрожали стекла и хлопали двери: Коля выволакивал электрокабели на улицу, таскал их по базам, показывая, доказывая и требовая.

Зачем? Он мог позвонить по телефону. Или написать официальную бумажку: так, мол, и так, в некоторых совхозах производится исследование следующих запчастей. На приборы бы поставили исходящий номер, а потом кто-нибудь, а еще позже пришел бы ответ: «На ша исходящий...»

Аaleb? А ребята? Его, Колю,aleb. И его, Колына, ребята... Они-то как? Ждать будут?

В языке, бородатый мой оппонент, можно чувствовать себя гостем. Но можно быть и хозяином. Это, конечно, хлопотное занятие — быть хозяином. В первую очередь потому, что приходится отвечать за все, драться за порядок в своем хозяйстве, вести его с пониманием, рачительно, не жалея ни рук, ни ум, ни сердца.

Это очень трудно. Но пошли из «Сельхозтехники» запасные части туда, где они позарез нужны были. И прокуратура заступилась комбайны. И зерно — драгоценный ступок человеческой силы и человеческого разума — было спасено от самого страшного врага — от засухи и от непереносимости чиновников. ...Коля провожал меня на вок-

зал. Он был доволен и весел. Подвижной, энергичный, он шел рядом и рассказывал, что будет завтра. Рассказывал шутки-тапки хохот: тоном, коротко и уверенно.

А потом мы растались. И Коля ушел. Ушел походкой человека, знающего себе цену. Так ходит по земле хозяин земли.

Мой бородатый оппонент, отвесь: может ли равнодушный чувствовать себя хозяином земли? Отвесь.

Вот тогда и продолжим наш спор.

Я знаю, что ты не любишь патетику. Между тем патетика патетичнее рознь. Патетичнее может идти от пустоты душевной, но патетика может идти и от высокого сердечного накала.

Впрочем, оставим патетику в покое. Поподемум о самых прозаических вещах. О деньгах, например.

Коля Кудрявцев, комсомольский работник, получает в месяц немногим более ста рублей. Семья у него пять человек: жена, сестра же, его сестра, малыш и он сам.

Сестры — и Колына и сеструня — участи. Малыш — откровенно некий младенец. Жена в своей самостоятельности малышка работать не может... А сто рублей, — по правде говоря, не слишком больших сумм.

В общем, тут приходилось Коле. Конечно, малышка можно было бы отзвать в ясли. Но в Куставане малыш гораздо больше, чем могут вместить детские учреждения города. Понятное дело, Коля мог бы позвонить, или поговорить, или попросить, наконец, чтобы за его малыша замолвила словеско. Панацея — как-никак обкомовский работник! Но Коля не звонил. И не просил. И за него не просили. Малыш терпеливо дожидаясь своей очереди...

Мы отнесли его в ясли вместе. Это было праздничное шествие. Праздничное не только потому, что вот освобождается наша малышка от двух третей хлопот по дому и, следовательно, сможет пойти работать и, следовательно, легче станет с деньгами... Шествие было праздничным еще потому, что аккомпанемент на личную скромность Коля выдержал блестяще.

Я прожил у Коли Кудрявцева четыре дня: гостиница была забита до отказа. Я узнал, что он жалеет до злания. Я узнал, что он жалеет до людей, до работы, до веселья. Но я не видел в нем той филологической жажды прибретательства, которая превращает человека в медвежника.

О нет, бородатый мой оппонент, Коля Кудрявцев не аскет. Мы пили с ним ароматный болгарский «Гроздь» и Коля говорил мне, что хорошо бы кунит кое-что из мебели и одежды, что надо бы справиться и то, и это, и третье... И съездить куда-нибудь. Это естественно. Но на это пока не хватает средств, зато в запасе сколько угодно молодости, а молодость может потерпеть. Главное, не смотреть на жизнь сквозь цветастую тряпку!

Вы ответьте честно, мой оппонент: может ли вот так жить — не для себя, а для других — бирократ? Отвесь.

Вот тогда и продолжим наш спор.

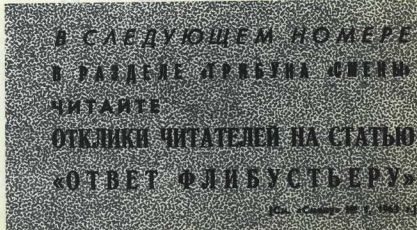
Коля рассказывал мне:

— Приехали в один совхоз девять семей с Украины. Приехали и первым делом разбили сады. Крутом садов нет, а у них есть. Сейчас их книги удачно издали. По зелени. Я думаю, что человек, однажды посадивший дерево и дожидаясь его плодов, на всю жизнь станет садоманом.

Наверное, это так. Но я думаю сейчас не о зеленых насаждениях. Я думаю о комсомольской работе. Она очень нелегка. В ней нет ничего олимпийского по полочкам. Больше того, она буднична и неприемтна, как все большие дела, и чтобы увидеть плоды этой работы, нужно быть очень зорким наблюдателем.

Но если уж увидел человек эти плоды, он на всю жизнь останется комсомольцем — честным, боевым, принципиальным.

Нет, комсомольская работа не ренессанс. Она все-таки призвание. И бородатый оппонент, ты можешь не поверить мне. Ты можешь не верить Коле Кудрявцеву.

Стрда была несвоей. С весны ожидали большого уро-

ТРАГИЧЕСКАЯ МАМЕНЬКИНА ВСТРЕЧА

Павел ВАСИЛЬЕВ

УБОРОЧНАЯ

В сплюсненном черноморском землян Колосево летнее штыми Приготовились к новой атаке! И вот через везелии Нежную назвать Нежные танцы комбайнов пошла. Друго раскшинушесь, В нивы тале пожураж, О них выстукаешь ведут напрамях, И полнохорошо волоку урочья Вушуг и садяг, Хлыву водою на вих, Рассеяные орои тругубт

наступательней!

И вот Ово размерзавося!.. Но ночь не услышит отбег.— Не время теперь нас к победам — Мы жрем в уаде козелька за войло! Дорота бляд, Как промчалась вперед глестора; Ничего не поможет Остановиться уадою, В божь шесть акавю, И первым из вих — быстрота, Выстрота; Второй, изперенемый:

Победа во что бы ей стало, И темны решают бесспорнотю одро, И люды, как вешны, Ударны и непрекляны, Огромным усылем Пространство нахалею, И волн коминуя к одну миллионы, Работать по-моложу! Без перебоев! И жизнь поднимаем трактором, Вышканы силосных башен, Простая и четкая как дрекства ЦК, И огневая, как песни И молодость наша!..

1931.

ПЕРВОЕ ПРИЖИЗНЕННОЕ

Недавно вышел пятый, последний том собрания сочинений Сергея Есенина. Вот он лежит передо мной, этот томик. И листую страничку за страничкой и по какой-то неземной ассоциации всенной встречу с Николаем Нинадревичем Нинадревичем. В то ясное, сухое, морозное утро я долго сидел в маленькой рабочей кабинке Накурова и с увлечением слушал его рассказы о «делах давно минувших дней». Да, можно собеседнику было что вспомнить! Старинный революционер, один из первых наших книжных издателей, много лет руко-

водитель Государственным издательством, издательством литературы, он рассказывал мне, между прочим, о том, как родился первый, признанный собрание сочинений Есенина. Переискали мысленно и грядущие десять лет назад — тогда еще было омыслить. Нинадр Динадревичем. На уют Рождествовни (ныне улица Бланкова) Пушечническым, там, где сейчас находится высшая школа учителя, Есенин написал «Детский мир», долгие годы стояло нивновское каменное здание, принахаживался Тубинскому пасажу.

В начале двадцатых годов отделился художественный литературный Госиздата завладел Н. Д. Мешеряков, а был его заместителем, а политическим редактором — прославленный автор «Чайка» Дмитрий Андреевич Фурманов. В отделе работало также три других писателя — Сергей Будищев, Иван Вадимович и Тарас Род-

Мысль о выпуске первого собрания сочинений Есенина родилась у нас. Ничего не сомневался, что издание мгновенно распродается: Есенин был неограниченно популярен, его лирику любили, его стихам зачитывались. И не удивительно, что наше решение нашло всеобщую поддержку.

Сообщили об этом Есенину. Он встретил эту весть с несравнимой радостью, поет был горд и счастлив.

Началась подготовка и издательского проекта.

Произведения, которые Есенин публиковал в альманахах, журналах и газетах, стихи, выходящие отдельными изданиями, подобрать было нетрудно. Значительно сложнее оказалось собрать неопубликованные вещи, чтобы самым полным образом изобразить в собрание. Есенин писал стихи и на дереве и ружьям и подругам и на портретах, много стихов, перешедших в черновой вариант своих неопубликованных вещей. Была и масса рукописных отборочной бумаги, в научных тетрадках, на обложках старых книг.

Он вываливал рукописи на стол прямо охапками, и мы сразу же начинали их разбирать, нередко обсуждая каждое стихотворение. Руководил всем этот Дмитрий Андреевич Фурманов. Несколько раз принимал участие в обсуждениях и Василий Яковлевич Брюсов. Но главным трудящимся было, tentu же Есенин рассказывал, при каких обстоятельствах были написаны и куда вошло стихотворение.

Один из последних портретов Сергея Есенина.

Фурманов с большим тактом, любящим и бережно подошел к каждой строке, написанной рукой Есенина. Порой он сразу высказывал Есенину свое мнение о некоторых его стихах, что опасаясь, как бы первое впечатление не оказалось ошибочным. Тогда Дмитрий Андреевич уносил эти стихи домой, чтобы прочитать их в спокойной обстановке.

Свое предложение о замене строчек, — Не находите ли вы возможным заменить эти слова? Мне кажется, не самое-то на ваше, не есенинское... Есенин внимательно слушал, возражал, но чаще от него слышались похвалы.

— Подумаю. Мыслились на то, когда Есенин, примостившись на уголке какого-нибудь стола, исправлял стихи. При этом делал это охотно и быстро. Но бывало и так: услышав замечание Фурманова, Есенин через несколько дней возвращался к нему и предлагал переделку, но чаще всего не только строчки, но даже целое стихотворение.

Так, в тесном сотрудничестве автора и работников отдела сочинений Есенина. Мы не ошиблись, решив издать собрание Есенина и еще более укрепил славу Есенина славу одного из лучших лирических поэтов нашего времени.

А. ЛЕСС

КНИЖИ НАШИХ АВТОРОВ

Ч Е Л О В Е К

«И задумался... о том огромном преимуществе, которое дает писателю военный опыт. Это один из самых важных тем, и притом таких, о которых труднее всего писать правдиво.» Эти слова принадлежат одному из наиболее крутых писателей XX века — Эрнсту Хемингуэю. Они весьма актуальны при том, когда знакомимся с новой книгой о войне. Военная тема живет в литературе давно. О войне написано множество книг. Правдивых и возвышающих не только по своим художественным достоинствам, но и по тем объектам внимания, на которые сосредоточился автор. Повесть монгоградской писательницы Бланды Милыниной «Сестрина батальона» — тоже о войне. О женской войне. И повесть, это правда, автор — участница Великой Отечественной войны. Она вместе с танковым батальоном пришла здесь путь от Волги до Берлина. Все, о чем рассказывает в повести, пережито и прочувствовано сердцем автора. Вот почему простая и суровая правда живет в каждой строке повести и характерна ее терзает. В повести много действующих лиц. И образы многих героев можно оценить как несомненно удачу автора. Но главное не в этом. Главное, на наш взгляд, в той проблеме, которую ставит перед читателем автор, и в том, как решает она ее. Один из героев повести говорит: «Война — она такая. Она не только убивает и ранит, она душу терзает, огнетны на ней оставляет не всю жизнь». Как выстоит, пережив черт столько горнило войны? Как уберечь свою душу и сердце? Ответ на этот вопрос дает нам героиня повести Наташа Крамова.

Знакомство с такими людьми необходимо каждому человеку. Даже простое соседство с ними в жизни приучает к ясности. И тогда мужество становится привычкой, а не только поводом для насмешки и потрогания рукой. Но самое главное, что на свою собственную жизнь человек начинает смотреть иначе. Ясное, строго, в неразрывной связи со всеми большими событиями на земле. Тон горести и боя, даже представлявшиеся тебе крушением мира, становится просто неприятностью жизни. Ты понимаешь, что жизнь — это не только то, что ты видишь оценивая, свою жизнь иными категориями. Ты начинаешь оценивать ее не только как свое личное существование. Наташа ушла на фронт добровольно. Она санструктор в батальоне, которым командует ее муж, майор Румянцева. Сгиня военных вещей пришла к ней в свой кабинет. Она пришла к ней, как она волюет от смерти. Война есть война, и никто не защитит от того, что может случиться с ее жизнью. Она пришла к ней, как она волюет от того, что может случиться с ее жизнью. Она пришла к ней, как она волюет от того, что может случиться с ее жизнью. Она пришла к ней, как она волюет от того, что может случиться с ее жизнью.

К 75-летию со дня рождения А. С. Макаренко

В новом имени Дюринского существовала некая особенность... приказ о Качаеве

Тан Антон Семёнович приказал всех ходить этой же весной... приказ о Качаеве

На средину вышел секретарь совета командиров и зачитал: «Сегодня, оплодав и завтра, в эти три дня Макаренко... приказ о Качаеве»

— Кто запрещает?

— Это же, дурак, чтобы вы сами избрали такой путь. Иди завтракать!

— Ну как хочешь.

— Антош Семёнович, отмените приказ...

— Мне от насмешек проходит нет...

— Значит, все понабал?

— Хорошо... приказ я отменяю, Иди.

В. ЗАЙЦЕВ

ОПЛОШНОСТЬ ЦЕНЗУРЫ

В 1871 году цензура дала разрешение напечатать... цензура в России

Права, пожале царское правительство... цензура в России

ЗАМЫСЕЛ И ВАРИАНТЫ

Как известно, толчком и созданием «Анны Карениной» послужило чтение Толстым пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу».

Первый вариант романа (он назывался «Молодец — баба») начинался словами, схожими с пушкинскими: «Гости поехали (театр) оперу съезжались к милому дяде».

В дальнейшем замысел романа отходит все дальше от первоначального варианта.

Меняется название романа: «Дваচার», «Два чета», «Четверо» и т.п.

«Мне отменить, а за возмезд».

ОБЛАСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНТРОЛЯ

Особенно много вариантов имен главной героини: Татьяна Сергеевна Старович, Анна, Анастасия, Анна Гагина, Анна или Мана Пушкина, Бертола, Анастасия Ардашевна, Анна Каренина, Анна Ардашевна Каренина.

Важная же Левин (Толстой произносил «Левин» с ударением на гласный, то есть Макаренко — «головной человек»).

ПРЕДВАРИЯ Г. УЭЛЛСА...

Известным русским писателем-фантастом прошлого века Владимиром Овеевским писана чрезвычайно интересная повесть-пуэтилия под названием «4338-й год».

Вот те технические достижения в обществе будущего, о которых рассказывает автор-фантаст.

Гальваторство — воздушный корабль, употребляемый «электрической силой».

«Гостиница для прилетающих» с выгулочными двориками и огромными хрустальными буками.

Тянки на «кадестическом стеле», Вязаный телевизор.

Новые сорта садовых плодов. Новые породы растений и животных.

Найден способ сообщения с Лунной Создана «машина для романа и для отечественного искусства».

Существуют книги, написанные «слогом телеграфа».

Как видишь, для осуществления этого переломного этапа не потребовалось ждать 2500 лет!

И ты сам вполне естественно, многого автор тебе не предвидит.

«Иереди слов, но на правду отожать...»

(ОПЫТ ПОВЕСТИ)

Начная с Овренгерской посетил Сова, живший 2600 лет назад, не буди, пожелае поста или пророка, который не писал бы о любви. И все-таки все 2600 лет ощущала недостаток в хороших стихах и рассказах на вечернюю тему.

В прекрасной и жаркой деще швец П. Березкина поострела на лаже артиста цирка Жору Соколова, чьегого червягого красавца в огромных кавказских сапогах.

Конфликт в произведении А. Г. развивается стремительно, динамично. Коварный циркач обманул доверчивую швец: бежала и адреска не оставил. Не веря в измену, П. Березкина отпразднела на поиски красавца Жору. Вот эта история.

«Она эвезжала на четвертый этаж, решительно разнузда дещю и будто по холодный душ попала. В комнате, обстанованной слабо и будто, развалилась в кресле ве Жорик, а у него на коленах, нежно прильнула к его груди, лежала, продолжив вставила ноги, ржская девица с беспободной лаской прижалась».

Можно подумать, что эта лихо нарисованная картина и есть кульминация. Увы, кульминация опередила.

Родной брат обольстителя, положительный Станислав, в этот традиционный момент предельает П. Березкину личи и сердце. Но она не дает полюбоваться герою. Подобно Анне Карениной, она... Но надил еще раз слово автору, но удити личи не скажишь: «Она решительно ступила на черную змею река!»

Вот это кульминация! Неужели конец во свете?

Впрочем, все кончается благополучно, как ожидается. Обольститель «насилулся-насилулся чужбинных зверей, да так поплыл по луже и не насупился. Швец П. Березкина, прерва сердию, сама привиделась жаженному опята и прервала чужбинную жизнь друга быльству».

Финал рассказа выделит в себе элементарного артиста. Читая «Фрагменты любви», немалая внимательная почитательница летенку «Сколько слез в любви»... И кончается: «Во свое злоко, вы мне оставилась поочу-...»

И не надо продолжать».

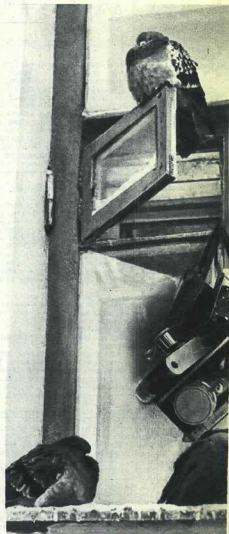
И Л Ь Н Е Е

лось даже сказать уставшие глаза. Она словно была отторжена от земли, от людей, от самого стеном: видно, а не слышно».

Есть два пути. Забыться, отгородиться от всего и жить, подчинив внутреннему декланству (как у Ляванды), или жить, сознавая необходимость. Этот путь выбрала Наташа. Жизнь, окружая людей, делаящие одно общее дело, оставаясь все embracing инициацию этого пути.

Ей пришлось многое пережить после смерти Рузманчижа (бы то было не несомненно нежелательна, но рождалась в никуда) десетью боях, в которых она участнивала, сотни смерией на ее глазах, сожженных городов, детей, умирающих от голода, нечеловеческие зверства фашистов, она принесла советские солдаты в этой войне. Это помогает ей пожить — нет, не сказать, а жить.

Вместо со своим братником Наташа Прямцова дойдет до Берина. Потом, должно быть, пойдет на роднику, а забавляясь... И не знаю, как сложится ее судьба дальше, но если я вдруг встречу ее, я встречу человека столь же прекрасного, мученического и строгого к себе, каковы она была в суровые годы испытаний.

А у них сейчас весна.

Фото В. ВОРОБЬЕВА, В. ГИППЕНРЕЙТЕРА, В. ДРУЖКОВА, С. ЖУРАВЛЕВА, М. СМУРИНА и Ю. ЧЕРНЫШОВА

ЗИМА ОПОМНИЛАСЬ...

Лета, как известно, не было. Прошлого лета. И не будем спорить. Смотрите «Смену» № 19 за 1962 год.

Зима тоже не будет, думали мы, планируя веселый репортаж о ней в осенне-весеннем исполнении.

Планы, понятно, надо выполнять, и едва календарь зафиксировал окончание осени, наши фоторепортеры отправились на природу снимать не коньки и лыжи, а плащи и зонтики, не ступки, а общины, а лыжи.

Но... на этих страницах вы не увидите ни одной фотографии, сделанной в «первом заходе». Фотографий не было. И не только потому, что не было запланированных нам луж,

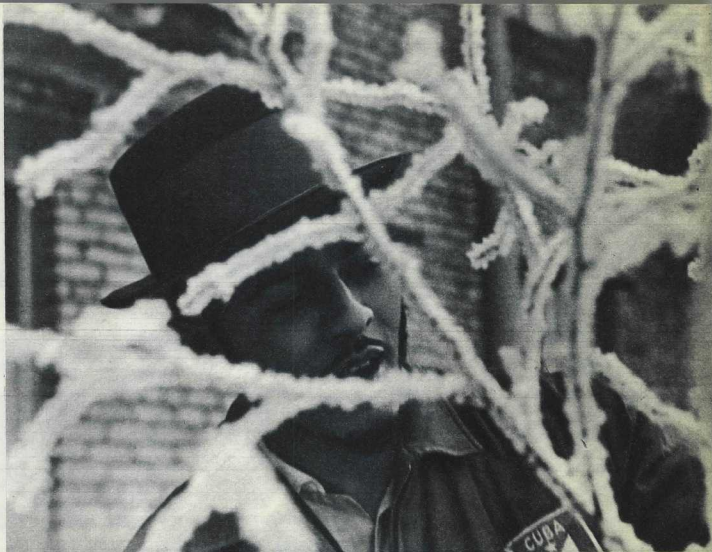
зонтиков и плащей. Впервые за зимнее количество лет зима опомнилась. Она срочно поменяла плюс на минус. Ртутный столбик термометра ринулся с двух тепла и двадцати холода. Появился снег. Реки снова льдом, пальцы репортеров и затворы фотоаппаратов — морозом.

Репортеры надели валенки. Но во что одеть фотокамеры! Шуб мы не придумали и решили: а, пусть закаляются сообще, в аэросъеме за окном.

Какой выдержит, тому и кадры в руки.

Так и появился первый кадр нашего репортажа об опомнившейся зиме...

Мода сильнее мороза. ↓

Он никогда не думал, что
снег растёт на деревьях.

Утренний моцион. —
Дежурные бабушки

Сани «на воздушной подушке».

Скоростной спуск с промежуточным финишем.

Зимний наряд. →

Такие хрустальные дворцы бывают не только в сказках...

Гранд-Опера

Великая Франция

То, что вы видите на снимке, — не фрагмент из балета, хотя действо и происходит на сцене парижской Гранд-Оперы. Это церемония выноса в свет 350 восемнадцатилетних парижских артистов. В торжественно украшенных фойе и залах театра собрались как здесь говорили «все Париж». Партер и ложи заполнили министры и банкиры, директора компаний и титулованные персоны, аплоты де полли французской королевской династии.

Девушки, сияющая улыбка друга, подхоры и рампы, а молчаливо артисты присели перед губнойой в классической реверансе. О, это был настоящий парад наследия! вассителей Францужен Корнелия де Рейссон-д'Отвилль — дочь графа, а задом руководители компании «Кюфрине», владельца цинкваренных заводов, и директора промышленных предприятий; рядом Кюфрина де Буссанисе, палочка которой

имеет немалые интересы в автомобильной конторе США, а также крупные права на нефтяных и промышленных банках, экспансионистские предприятия в Африке. Девушка, родословная которой принадлежит к тюркским князьям, служившим Наполеону — фамилия родичей в Париже означает теперь численность руководителей банка «Кредит индустриальный и коммерческий».

Парижская буржуазная печать, захлебываясь от восторга, подробно описывала, как долго велась подготовка к этому событию, какие знаменитые портные шили платья и что за великие мастера делали их. Парижские юнги, забросив светские заботы, «трудились» девушками, в «тоже лица» по многу часов в день отбавлялись, реверанс. Не забывая репортерам подчеркнуть и тот факт, что никуда еще со времени революции в Опере не собиралось столько спонсоров: на 10 миллионов франков драгоценностей, мехов и золота. И недаром министр внутренних дел Фрэнк направил для обеспечения безопасности столько бездельников усевшему полицейскую охрану. Мандарины в числе в приличествующем случае синих лаков, с автоклетками.

Затем с этим представлением, носившая на первом взгляде чисто светский характер, преследовала куда более серьезные цели. Эта церемония, состоявшаяся вскоре после парламентских выборов в стране была самой непрерывной политической демонстрацией верноподданнических чувств деградированному режиму 200 правителей Французской семьи и их отпрысков. И роскошный бал Гранд-Оперы закончился под утомленные ликующие развалины утомившихся от церемоний девиц и гостей по осененной и лавной, и на их лицах, как писал один парижский журналист, «было написано слово». А

в эти часы в переполненных поездах, битом лифтовых вагонов метро и автобусах трудовой Париж спешил на заводы, и своим рабочим местам в магазинах, направленных в борьбу и конторы.

В прошлом году 18 лет исполнилось многим тысячам парижским девушкам. Однако торжество по этому случаю не было в Гранд-Оперу было бы бессмысленно издать дочерей трудящихся Париза.

Впрочем, одна женщина была. Без титулов и родовословия. Простая швея, готовившая манжеты из бляшек на блузы платяной. Но и эта «бушуйка» очутилась там лишь по воле буржуазного журнала «Парижские» подстроившего участницы девушки в бале представляемых на сцене. Конечно, не было для своих реальных целей. Что касается других, то их удач — тайная работа, низкая зарплата, социальное

нахождение. Мне довелось встретиться с Манеттой Я., 18-летней работницей с текстильных предприятий Рубэ, (дочка одного из хозяев этих предприятий «дебитировала» в Гранд-Оперу.) У Манетты туберкулез легких. И не случайно молодых работниц на фабриках заставляют работать по 9—10 часов в день. Если учесть, что большинство из них приходится приезжать на работу за 40—60 километров, то сколько же времени остается на отдых? Заработная плата 330—350 франков в месяц, а прожиточный минимум во Франции, даже по официальным данным, в два раза превышает эту сумму — сумму, составляющую лишь пятую часть стоимости платья, сшитого для одного вечера в Гранд-Оперу. Девушки нередко используют на самых темных участках

работы, где подчас отсутствуют даже элементарная охрана труда. Им запрещено переговариваться между собой, отлучаться с места даже в случае необходимости, «но рекомендовано» бодреть и выходить замуж. За нарушения — штрафы, увольнение. «С нами обращаются, как с рабынями».

А зайдите в какой-нибудь крупный французский магазин. Здесь работают сотни девушек. Они встречают и провожают клиентов улыбающимися. Не верьте этим заученным улыбкам, за ними кроются страдания: многоочасовой изнурительный труд в плохо вентилируемых помещениях, суровый хозяйский надзор, жестокое наказание штрафов, мизерная зарплата и многочисленные наказания. — Большая охотница «пошутить» с подчиненными.

Но девушки не сдаются.

Они упорно борются за свои экономические права, свое достоинство, за личное счастье. Эта решимость бороться вновь получила на заседании Национальной конференции трудящихся молодежи Франции, состоявшейся в январе в Шазелле-ле-Руа, под Парижем. А накануне в течение нескольких дней парижане не могли зайти ни в один универсальный магазин: их рабочим бастовали, требуя повышения зарплат и нормальных условий труда. И совсем еще юные девушки, пинетированные у своих магазинов, горько объясняли покупателям, что произошло их прекращение работы.

Примерно тогда же контролеры ставили метро, а большинство женщин и женщины, покинули свои посты.

С требованиями улучшить уровень жизни не раз за последнее время выходили на демонстрации девушки, работницы в больницах, — сестры, санитарки, сиделки.

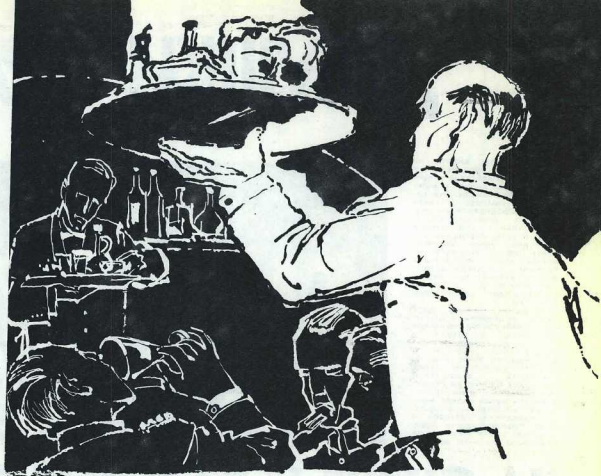
А сколько раз в стране замолчали телефоны, прекратили работу корреспонденты — бастовали телефонистки, слушающие поэт и телеграфисты. И даже оживо забить, как под ударами оверзеших мандаринов гудели, обильные кровью, девушки, выходящие на массовые демонстрации парижан, протестующих против разгрома ОАСТ.

Да тысячи и тысячи юных француженок знают не только в классических танцев, но и на светских раутах, а у станки и на булыжной мостовой, лицом к лицу с классовым врагом, они имели честь быть приглашенными в Гранд-Оперу и быть удостоенными обществом банкиров, политиков и фабрикантов, всем вместе придется с ними позаняться. Молодая Франция еще не создала своего последнего слова, а как — будет зависеть от нее.

П. СМОЛЕНСКИЙ

Париж.

Владимир ЯРОШИНСКИЙ

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО и Г. НОВОЖИЛОВА

АСЫ РАЗВЕДКИ

Подвиги советских разведчиков в годы мучившей войны вызвали к жизни много книг: кинолент, спектаклей. И, очевидно, еще не все писатели, драматурги, киносценаристы прославят в своих произведениях этих самоотверженных, зачастую бесстрашных героев, которые вдали от приключений, полую, ежедневной опасности борются с фашизмом.

О деятельности советских разведчиков написано немало произведений и на публике. Одна из таких книг — повесть польского литератора Владимира Ярошинского «Асы разведки». Она вошла в популярную серию «Желтый тигр» издательства Министерства обороны Польской Народной Республики.

В преислови к книге автор пишет:

«Эта повесть о людях советской разведки, которые, несмотря на смертельную опасность, действовали на территории гитлеровской Германии и оккупированных ею стран, сообщая ценные сведения о планах верхаха и о военной мощи фашистов.

Все факты, приведенные в книге, абсолютно правдивы.

Автор счел, однако, уместным изменить некоторые сопутствующие обстоятельства, а также фамилии действующих лиц».

В письме к переводчице книги на русский язык Владимир Ярошинский сообщает, что при подготовке повести он тщательно изучил множество документов, в которых освещались поездки разведывательных служб оккупации сторон. В частности, автор указал, что он использовал издание в Австрии воспоминания бывшего офицера Аберера, некоего Флякке, в которых упоминаются операции гитлеровской контрразведки против «Жильбера» и «Карро», героев предлагаемой читателю повести, а также публикации в демократической немецкой прессе о деле «Карро».

Повесть явчатается с некоторыми сокращениями.

ПЕРВЫЕ СИГНАЛЫ

Ранним утром 28 июня 1941 года на пеленгаторном пункте Аберера в Кранце¹, маленьком приморском местечке в Восточной Пруссии, работники секции III-5 Фельдфебель Эрих Хансеманн сменили у аппаратуры унтер-офицера Кюно Мальце.

Всего несколько дней назад фашистские армии вторглись на территорию Советского Союза, и эфир был буквально забит сотнями и тысячами радиоразговоров между штабами корпусов, дивизий и полков, растянувшихся по всей линии фронта.

Хансеманн пошел к аппарату, надел наушники и включил прибор, автоматически регистрирующий на ленте тексты радиograms. Затем он открыл толстую книгу криптограмм, обозначающую время, длину волны, шифр каждой из подслушиваемых станций.

Большие стальные часы показывали 3 часа 35 минут. Через несколько минут должна была, как обычно, начать работу подпольная станция норвежского движения Сопротивления, ведущая связь со своим центром в Лондоне.

Фельдфебель Хансеманн внимательно вслушивался в хорошо знакомый ритм азбуки Морзе, но совершенно неожиданно начались сильные радиопомехи.

В хаосе тресков и скрипов тренированных слух Хансеманна уловили несомненно подлинные какой-то новой станции, работающей на тех же волнах, что и норвежская.

Фельдфебель начал быстро вращать антенну пеленгатора. Шумы постепенно ослабевали, и теперь ясно слышался четкий ритм звуков: ...КЛК... КЛК... к РТХ... КЛК... КЛК... КЛК... к... РТХ...

1. Теперь — Зеленоградск. Калининградской области.
Секция Фульберт III-5 велела подслушивать и пеленговать радиостанции противника.

Хансеманн тщательно настроил аппаратуру на волну нового передатчика. Контрольная тесьма быстро покрылась знаками. Немец пробежал глазами отпечатанный текст:

«КЛК к РТХ... 2602... 32... № 14...» Далее следовали пятизначные числа шифра.

Фельдфебель уже не сомневался в том, что открыл какую-то новую станцию, которая, судя по номеру радиogramмы, начала работу совсем недавно. Чтобы окончательно убедиться в этом, он заглянул в справочную книгу криптограмм. Шифра услышанной только что станции в ней не было.

Сделав дежурство, Хансеманн предупредил сменишки Клауса о своем открытии.

Клаус также был опытным работником секции III-5. Он умел узнавать подслушиваемые станции по их индивидуальным приметам: по техническим особенностям и способу передачи радиogramм, характерным для каждого радиста.

Клаус знал, например, что в 835 начнет передачу радиостанция польского движения Сопротивления, которую так же, как и норвежца, никак не удавалось запеленговать и уничтожить. Польский радист, передавая буквы «М», всегда делал перед ней короткую, едва уловимую паузу.

Недавно обнаруженная станция появилась в эфире снова, едва польский радист окончил свою передачу. Ее опознавательный сигнал, как и утром, звучал — РТХ. Клаус обрадовался. Потерянный, казалось, след снова был найден. Теперь, когда стал известен сигнал новой станции и ее волна, подслушивание и пеленгование, казалось, не могли уже предоставить больших трудностей. Клаус записал свои наблюдения в книгу документов и пошел с рапортом к начальнику пункта капитану Шустеру. Шустер немедленно уведомил об этом руководство секции III-5 центра Аберера на Тирпицштрассе в Берлине.

И вот тут специалисты из отдела исследований, определив направ-

ление распространения воли, высказали предположения, что станция с позывным сигналом РТХ принадлежит к сети советской разведки.

Центр Абвера передал всем своим пеленгаторно-подслушивающим станциям следующий приказ: «Открыта новая передающая станция, которая пользуется опознавательным сигналом РТХ. Часы передачи — 3.40 и 9.00. Ищите часы следующих передач. Точнее определите направление».

Обстановка осложнилась, и полковник Бентивеньи созвал специальное оперативное совещание.

— Господа, — сказал полковник, — в последние дни мы получили много сведений, касающихся как РТХ, так и других тайных передаточных станций, поддерживающих связь с Россией. Служба подслушивания доносит, что обнаружено двадцать новых передаточных станций. Они связаны с советским руководством. Надеюсь, вам ясно, господа, насколько это опасно для нас. Мы заметили, что, кроме РТХ, особенно активны три станции, которые работают вблизи Берлина. Попытки установить точные места этих передаточных пока были безуспешными... Самая опасная из них — РТХ; по всей вероятности, она является центральной станцией сети...

Бентивеньи совершенно ясно сознавал, что на первых порах не может быть и речи об активной борьбе с тайными станциями. Это значи-

ло бы бороться вслепую против врага, о котором неизвестно ничего, кроме того, что он существует. Единственное, что можно было делать, — прерывать связь тайных радиостанций с их центром, мешать передачам шифрограмм до тех пор, пока не удастся напасть на какой-нибудь более определенный след, ведущий к людям советской разведки.

Такую информацию можно было получить прежде всего из самих радиogramм. Однако криптографы Абвера сомневались в том, что им удастся быстро расшифровать шифровки. Видимо, советская разведка пользовалась как ключом текстом неизвестной им книги. Оставалось надеяться, что эту книгу удастся обнаружить при ликвидации первой радиостанции.

Бентивеньи вызвал к себе капитана Моделя и поручил ему начать наблюдения за передатчиками, работающими в Берлине и его окрестностях. Моделю было приказано организовать в сотрудничестве с Бюро Главной службы безопасности специальную оперативную группу. Персонал группы следовало разместить в новом пеленгаторном пункте, оснащенном гониометрами, заказанными специально для Абвера фирмой «Вольф-Радон». Сверхчувствительные гониометры, установленные в радиусе в несколько километров, могли обнаружить место передающей станции с точностью до одного метра.

— Я уверен, господин капитан, — заключил Бентивеньи, — что вы

ших типов боевых самолетов и задерживал выпуск испытательных машин. Однако Дюпон строго запретил ему какие бы то ни было самостоятельные действия. Его саботаж легко мог возбудить внимание гестапо и привести к разоблачению. Гораздо больше пользы «Зауэр» принесло, доставляя военную секретную информацию.

Получив разрешение, Дюпон поручил проинформировать «Зауэр» о месте и времени встречи.

Поздним вечером 30 июля 1941 года Дюпон сошел со скорого поезда на вокзал Аугсбурга. Он взглянул на огромный ярко освещенный циферблат часов и похалил себя за то, что вылетел из Брюсселя раньше, чем собрался вначале. Путь был забит военными жителями, и пассажирские поезда шли с многочасовым опозданием. Однако и полетная программа Дюпон успел пролететь. Экспрессы несколько раз останавливались вблизи военных станций, и Дюпон, опытный разведчик, получил много интересней сведений.

...Огромный вокзал быстро заполняли пассажиры, в основном солдаты и офицеры вермахта. «Тсс! Встрь подслушивать!» — предостерегали плакаты, с которых можно было видеть в толпу унылые черные фигуры.

Среди этой движущейся, живой и усталой людской массы с трудом протискивались патрули военной полиции и гестапо. Они искали мародеров, дезертиров и тех, чей внешний облик хоть чем-нибудь мог возбудить подозрения. Дюпон с трудом пробрался через вестибюль к ресторану. Еще в дверях он заметил «Зауэр».

«Зауэр» в мундире полковника авиации сидел задумчивым, за маленьким столиком, укрытым в нише ресторана.

— Боясь, что сегодня вы не придете, господин «Кент», — тихо сказал «Зауэр», встав, и протянул руку. — Позда ходит нергуларно. Правда, это первые признаки приближающегося кризиса. Гастапостоны озверели. Надо быть очень осторожным. Я получил сведения, что Абервер в ближайшие дни начнет широкую операцию против подпольных радиостанций...

Во время этой беседы «Зауэр» сообщил Дюпону, что его добрый знакомый инженер Хегельбах, работающий на заводе «Вольф-Радио», уведомил его о том, что фирма «Транслар», за которой стоит Абервер, заказала несколько гомонетров совершенно нового типа. Как пояснил Хегельбах, эти аппараты позволяют беззвучно записать передаточную радиостанцию на расстоянии нескольких километров.

— Хегельбах был близкий знакомый?

— Я знаю его довольно давно, но коротких отношений не поддерживаю, — пояснил «Зауэр».

— Неважно, — сказал Дюпон. — Подумайте, но только не возбуждая у него подозрений, каким способом можно установить с ним близкий, непосредственный контакт? Конечно, это уже не войдет в ваши обязанности. Схранныя вашу безопасность, поручите это кому-нибудь другому. Вы останетесь в тени, и если Хегельбах захочет не удасться, вы будете вынуждены привлечь кого-нибудь другого для работы на заводе. Новые гомонетры должны иметь конструктивную ошибку и подавать ошибочные сведения. Однако к делу. У вас есть еще что-нибудь новое?

«Зауэр» вынул из кармана мундира маленький плоский флакончик из черного стекла с двумя, как гласила наклеившая на нем золотая этикетка.

Дюпон быстро взял его из рук «Зауэр» и спрятал в карман.

— Что это за материал? — спросил он.

— Здесь данные о ежедневном производстве многоцелевых самолетов «Мессершмидт-110» и о численности воздушных сил. А также копия плана, разработанного верховным командованием вермахта, по участию воздушных сил в наступлении группы армии «Центр» на Москву.

— Прекрасно! Если в ближайшее время вы будете иметь важные сведения, дайте мне знать об этом. Оставьте шифровку в почтовом ящике номер три в районе Велдинг. Радиостанцией пользуйтесь только в исключительных случаях. На всякий случай, однако, эквадировано в течение 10 минут ждите передачи в 22.00 на частоте волны 9,75. Шифр остается без изменений, так же, как и мой опознавательный сигнал «Кент»...

«Зауэр» попрощался и вышел. Дюпон дождался утра в маленьком придорожном отеле и выехал в пятницу днем в Брюссель, чтобы заняться обработкой донесений «Зауэр».

Это было непростое дело. Донесения хранились внутри маленькой бутылочки, наполненной доверху особой жидкостью.

Перед тем, как достать материал, Дюпон должен был с помощью медицинского шприца отнять из бутылочки жидкость так, чтобы туда не попал воздух. После этого следовало ввести внутрь, опять же с помощью шприца, немного специального реактива. Только после этого можно было вынуть внутреннюю пробку и открыть бутылочку. Если бы кто-нибудь без всех этих предосторожностей, воздуха, проникнув внутрь, соприкоснулся бы с жидкостью и вызвал термическую реакцию. Содержимое флакона было бы уничтожено.

Спустя два дня после возвращения Дюпона из Аугсбурга радиостанция брюссельской разведывательной группы пердала сведения, извлеченные из флакончика, своему Центру.

Несмотря на поздний час, в кабинете полковника Егорова все еще горел свет. Полковник работал. У радиопаратора дежурили офицеры связи Центра.

Ночью зритель оживал. Беспрерывно поступали шифрованные донесения и информации от всевозможных разведывательных групп, работавших далеко в тылу неприятеля, в самом сердце вражеской страны.

После проверки и подтверждения информации заносилась в картотеку. Сведения о полетах разведывательных самолетов, о тактико-ситуационные и тематические рапорты. Ситуационные донесения давали картину общего военного положения противника. Они содержали све-

дения о районах концентрации и расположения войск, резервах, их численности и вооружении, а также о предполагаемых действиях врага на различных участках фронта. Рапорты другого рода обрисовывали положение в определенных областях экономики Третьего рейха: в военной промышленности, средствах связи, транспорте — сообщали о новых видах вооружения, о резервах сырья, о работе немецких учебных и т. п.

...Когда полковник Егоров внимательно просматривал последние донесения, в кабинет вошел капитан Никитин, начальник разведывательных групп района «Запад А», включившего в свое ведомство Германию, оккупированную зону Франции, Голландию и Бельгию. Капитан положил на стол несколько листов бумаги.

— Получили от «Кента», — объяснил он. — Есть очень важные сведения.

— Отлично. — Обрвадвался Егоров. — Молодец «Кент!»

Он взял бумагу и принялся их читать. «Кент» донесил:

«Директору № 37. Ежедневный выпуск самолетов «Мессершмидт-110» составляет 9—10 штук. Потери на Восточном фронте составляют в среднем 40 машин в день. «Зауэр» информирует, что авиационные заводы Мессершмидта в течение трех месяцев работают над конструкцией самолетов с новым видом двигателя. Мотор к нему изготовляют, вероятно, предприятия Харт и Юнкерс. Скорость истребителя, по мнению «Зауэр», будет достигать 900 километров в час. «Кент».

Егоров поручил передать это известие Высшему Военному Совету и взял следующий лист донесения.

«Директору № 42» — сообщая «Кент»: «Общая численность самолетов военно-воздушных сил немцев в первой линии составляет 21 500 боевых машин, а также 6 258 транспортных самолетов «Юнкерс-5». В последнее время на Восточный фронт были посланы еще два мощных воздушных соединения для поддержки действий группы армии «Юг». Знаю от «Зауэр».

Егоров взглянул на Никитина.

— Подтверждены ли эти сведения другими источниками?

— Да. — Никитин взглянул в досье, которое держал в руках. — Мы получили подтверждение от сотрудников, действующих в районе «Запад Б». Они сообщают о перелете большого количества самолетов типа «Кеймель» и «Дорнье» на Восток.

— Передайте эту информацию немедленно командованию Южного фронта, — приказал Егоров.

Больше всего обеспокоило полковника третье сообщение «Кента». «Кент» сообщил, что Абервер начал борьбу с передаточными радиостанциями самолетов разведки.

— Мы не можем допустить, чтобы Абервер напал на след наших станций! — сказал полковник. — Известисте «Кильнберг» об изменении си-

стемы связи. Начиная с будущей недели, все наши группы района «Запад А» ведут радиосвязь по ключу «С», стало быть, вводят новый шифр и новые расписания влчи и времени передач.

Никитин вышел из кабинета. Егоров открыл сейф и вынул из него текст ключа «С». Быстро переписал несколько страниц. Изменение системы связи, несомненно, дезориентирует противника и затруднит широкую локализацию станций. Полковник спрятал текст ключа в сейф и подошел и вписал на стене карты Европы.

В самом центре квадрата, обозначающего Париж, находился большая красная точка, от которой тянулись разноцветные нити по всей территории Третьего рейха — нити гигантского и сложного организма, именуемого разведкой. Эти нити показывали связь между действующими разведывательными группами и их командными центрами, которыми руководил «большой шифр», носивший псевдоним «Кильнберг».

Полковник хорошо знал этого человека, который вел сейчас опасную, требующую полного самопожертвования и большого мужества работу в глубинах тылу врага. «Кильнберг» был его старым товарищем еще с того времени, когда они вместе занимались на одном факультете Военной академии Красной Армии. Потом они разошлись в разные стороны. «Кильнберг» получил назначение на восточную границу СССР, где отличился, выполняя несколько трудных специальных заданий в период боя с японцами в районе Халхин-Гола. Стоя встали свои, когда уже не было никакой войны.

Полковник вернулся к письменному столу и нажал на кнопку звонка. Дверь бесшумно открылась, и на пороге появился адъютант.

— Попросите ко мне полковника Соловьева, — приказал Егоров.

Продолжение следует.

Сорок третья линия считается очень трудной. Она проходит по самым опасным местам московских магистралей.

Виктор САКК
Фото автора

ВСЕГДА В ПУТИ

Часто интересной встречей мы бываем обязаны случаем. И именно случай принес мне ранним зимним утром на конечную автобусную остановку в поселке Текстильщицкий. Пассажиры, подняв воротники, перемаялись с ноги на ногу: зима в Москве в этом году морозная. Люди были неразговорчивы. Даже знакомые только молча кивали друг другу... Наконец долгожданный «сорок третий» распахнул свои двери.

— С добрым утром, дорогие товарищи! — донес репродуктор приветливый голос водителя. — Сегодня очень холодно, устравняйтесь поплотнее, чтобы теплее было. На площади Дворцаского мы будем через сорок восемь минут. Следящего рейса...

Оказывается, есть слова, которые могут согреть. И видел, как вокруг меня лица озаарились улыбками. Люди заговорили весело и оживленно. Пожилой пассажир в очках, с большим

желтым портфелем пришел в восторг и громко сказал соседу, что такое он слышит впервые. Признаюсь, это своеобразное использование автобусной радиотехники для общения с пассажирами произвело хорошее впечатление. В самом деле, как надоело стандартное напоявание о том, что билет стоит пять копеек и что его следует оторвать. Поддержав и остановкам, водитель с юмором объяснил, на какой маршрут здесь можно пе-

рестать, как быстрее доехать...

Я с трудом протиснулся вперед, чтобы поближе взглянуть на человека, который сумел сделать так, чтобы люди ехали с хорошим настроением. Над стеклом кабины висела табличка: «Водитель П. Дядин». В зеркале, укрепленном перед водителем, я увидел спокойное молодое лицо с голубыми глазами, из-под шапки выбивались пышные вихры.

...Сорок третья линия

считается самой трудной. Любый водитель автобуса скажет: — На этой линии жарко, даже в самые сильные морозы приходится попеть...

Петр это хорошо чувствовал на себе, но он совсем не жалел, что согласился работать на трудной линии. Пассажиры здесь всегда «скажут куда», и все торопится. Многих из них он уже знает в лицо, знает, кто где ходит. Знает и его, любит ездить на его машине. Петр чувствует себя нужным этим людям: студентам, рабочим, служащим, которые каждый день спешат то на работу, то с работы. И это приносит радость. А то, что линия трудная, — не беда. В жизни у него их было немало, этих трудностей.

Трудно было в детстве, которое перечеркнула война. Трудно было копать десятилетку: приходилось работать на заводе, чтобы помочь семье. Трудно было и на военной службе, на флоте, а потом на целине в Алтайском крае. Но как бы ни было трудно, он никогда не унывал, не вешал носа. Когда вернулся домой со слабой игольница и почетной грамотой обкома партии, пришел во 2-й автобусный парк.

— Автобусе когда-нибудь в руках держал? — совершенно серьезно спросил у него, разглядывая документы и водительские права.

— Нет, не приходилось, — ответил Петр.

— А ну, пошли! Ему встал на руль автобуса, стоявшего во дворе парка. Петр выпол-

Встреча на дороге.

или несколько «фигур высшего пилотажа».

— Так! Все ясно!— многозначительно и непонятно констатировал знаменатель.— Пошла к директору!

— Флотский? — спросил директор.

— Флотский.

— Не поведет?

— Не должен, — ответил экзаменатор.

— Получай путевку и выезжай на линию.

Все произошло тогда так быстро и неожиданно, что Петр даже не успел спросить, как открываются в автобусе двери...

С тех пор прошло пять лет. И, пожалуй, нет сейчас в парке человека, который не знал бы Петра Дядина.

Петр душой прарок к коллективу. Он всегда активный участник всех значимых мероприятий и мероприятий автобусного парка.

Когда не хватало авто-

бусов на линии, он вместе с ребятами в свободное от работы время безвозмездно восстанавливал старую машину и работал на ней. Через год завоевал почетное звание ударника коммунистического труда... Когда на дальней загородной линии были обнаружены грубые финансовые нарушения, туда послали общественного контролера Петра Дядина с комсомольцами, и они назвали там порялок. Петр выскочил на линию без кондуктора и начал поход «за бескондукторное движение».

Здесь, в парке, Петр получил водительские права первого класса, здесь вступил в партию.

А недавно коллектив 2-го автобусного парка выдвинул Петра Дядина кандидатом в депутаты Московского городского Совета.

На комсомольском собрании идет разговор о деле, волнующем весь коллектив автобусного парка. К мнению Петра Дядина всегда прислушиваются с большим уважением.

Для человека, привыкшего к жизни «на колесах», лыжная прогулка особенно приятна.

ФАКТЫ...

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Чехословацкий физиолог Физар помещал двух людей в одну камеру, разделял их плотной занавесью, надевал каждому на руку прибор, измеряющий сужение кровеносных сосудов (оно, как известно, сопутствует напряженной умственной работе). Одному из участников эксперимента давали задание перемножить два числа. Тут же его прибор отмечал сужение сосудов. А чуть позже то же показывал прибор на руке соседа, которому никаких задач решать не приходилось.

Человек вынимает из пакета карты по одной и смотрит на каждую из них. Другой, не видя карты, пытается угадать рисунок на ней. Всего в пакете 25 перемешанных карт с пятью типами рисунков.

По теории вероятности в среднем можно угадать пять раз из двадцати пяти. Автомат, которому «поручили» угадывание, дал ту же цифру. Некоторые люди в ряде опытов угадывали в среднем шесть-семь и более раз.

Английский ученый Соул проводил опыты с двумя двоюродными братьями. При 16 тысячах проб они угадывали в среднем шесть раз из двадцати пяти, причем дважды были угаданы двадцать пять карт подряд, четыре раза — двадцать четыре карты. Согласно теории вероятности возможность случайного получения такого результата практически равна нулю.

В 1927 году была организована телепатическая переписка зрительных образов из Парижа в Нью-Йорк. Пять образов из пятнадцати были переданы правильно.

Такие же опыты телепатической связи со схожими результатами проводились между Афинами и Парижем, Афинами и Варшавой.

В опытах с угадыванием предметов, на который смотрит другой человек, процент угадок повышается обычно при применении медитационных средств, возбуждающих кору больших полушарий головного мозга.

В 1950 году один телепат отписался на подводной лодке США «Гулдура». В течение оставшихся 24 часов. Разделенный с «кредиточкой» броней лодки и толстым слоем воды, он сумел «угадать» 70 процентов специальных карт, на которые смотрел персонал. Во избежание мошенничества карты перемешивались и выбрасывались автоматом.

С. А. Гитосовой в марте 1943 года пришлось телеграфом от мужа: «Выезжайте сегодня Свердловск, еду фронт целую Юриш».

Она немедленно выехала в Свердловск и встретила мужа Курю, который хотя и неслышно телеграфаму, но не решился, боясь, что ее не успеют получить дома.

Его почему-то называли маск-су именов — от телепатии и феномена «письма до биоэлектронии и биологической радионикии». В 42-м году ВСС оно названо антинучным и идеалистическим. И там не изменил и сейчас об этом. Имя, потому, что явление это не заслуживает презрительных эпитетов.

Что им такое телепатия? Передача на расстоянии от одного места к другому информации о чувстве мыслей, ощущений, переживаний по образам. Об существовании такой передачи в свое время высказывались Гюльер и Бюлер, ее возможность допускали Гайлард и Мечников. Позднее о ней французский психолог XIX века Ш. Рише и десятки иных авторов в области психологии, нейрофизиологии и других наук.

Сегодня в этой области работает множество ученых. Особенно большой вклад в исследование телепатии в нашей стране сделал член-корреспондент Академии медицинских наук И. В. Васильев, возглавлявший специальную лабораторию при Ленинградском университете.

Уже опубликованы тысячи статей и десятки книг с перечнями зафиксированных фактов и попытками их объяснения. И хотя не на все это, большая часть ученых и слышать не хочет о телепатии. Почему? Да потому, что человек стал никак не может простить себе малого легкомыслия. Когда-то оно принимало на веру переселение душ, колдовство, выходы духов. Зато теперь, кто ученым представителям даже старое святое писание не может верить, предстает слепым и глупым. Простыми же проблемами с «сомнительной регуляцией». А у телепатии, что и говорить, регуляция в нас серьезно подложена идеалистами, давшими чисто идеалистическое объяснение.

Впрочем, человечеству уже случалось слышать долго не верить в фанты, сегодня неоспоримые. Именины, хотя и отрицаются, явление которым ныне вошли в практику или спорт. Когда-то в США американский ученый Роберт Вуд присутствовал при приеме первых радиопосланий, посланных через Атлантический океан, он не очень хотел верить в существование происходящего и иронически заметил, что эти звуки можно было бы получить куда более простыми способами.

Мы еще не знаем многого об окружающей нас мире, многие явления еще не имеют окончательного объяснения, от гравитационных волн до причин возникновения шаровых молний. Но ведь не отрицают же на этом основании само существование шаровых молний!

Что же связывает два мозга, разделенных горами и морями? Каким же образом происходит передача одним мыслью?

Конечно, сам собою образуются ответ: радиоволны. Последняя книга В. В. Ивановского, одного из известных исследователей телепатии, так и называется — «Биологическая радионика». Однако ученые говорят масса обстоятельств, которые не позволяют нашему телу создавать вокруг себя электромагнитные поля, и само устройство человеческого организма очень напоминает колебательный контур, испускающий в радиотехнике.

И на доводе «просто» достаточно. Многие из этих доводов приводят сама радиотехника. Прежде всего, телепатические сигналы во много раз сильнее, чем радиотелеграфы вроде металлических экранов и даже свои воды. Правда, неизвестно, насколько это так. Известный советский физик профессор Стефан Маначерский находит «всем из этого положения». Достаточно представить, говорят о том, что мозг ведет радиопередачу в очень широком диапазоне частот одновременно. Любые приемы передают волны той же определенной длины. Для волн длиной в несколько сантиметров показан работы последних лет, проникает даже вода.

На другой стороне зрения стоит «отец кибернетики» — Норберт Винер.

Что такое ТЕЛЕПАТИЯ?

ОТ МОЗГА — К МОЗГУ

РАДИОСВЯЗЬ ИЛИ НЕЧТО ДРУГОЕ?

ТАЙНА НЕ РАСКРЫТА

Нужна ли СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ ТЕЛЕПАТИЯ?

нами колебаний в секунду. Но даже с такими теоретическими подсчетами дело не всегда благополучно.

Приходилось бы много бороться с теорией. Ведь даже самая обычная молния в каком-то смысле теоретически невозможна. По строгим расчетам, для ее образования в грозовом туче нужно напряжение в 7—10 тысяч вольт на сантиметр. Видно, иже знаешь этого, молнии все же образуются, хотя напряжение в тучах не превышает «малюток» двух тысяч вольт.

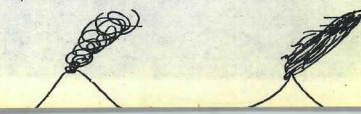
Ну, а если все-таки не радио? Каким же волны не могут остановить их воды? Современная наука может предложить несколько кандидатов.

Например, частицы нейтрино.

Они движутся со скоростью света и пронизывают нас всюду, согласно предположениям физиков, нейтрино составляют почти все знаменитую часть (около трети) материи Вселенной. Однако сенсацию мы подтвердили их бомбардировкой. Может быть (правда, эта гипотеза пока фантастического характера), австралийка решила в свое время задачу использования нейтрино в качестве переносчиков информации.

Другой претендент на такую же роль — гравитационные волны, гравитоны. Их посылают всякое движущееся тело — от звезды до электрона. За гравитационные волны в этом качестве высказались, в частности, весьма авторитетно в физике люди — лауреат Нобелевской премии П. Нордан и бывший

Американский писатель Энтон Синклер вместе со своей женой Марси занимался телепатическими наблюдениями. Не два рисунка — об раз, а вымышленный Синклером, на правом — изображение, воспринятое Марси.

сотрудники Эйнштейна Б. Гоффман. Природа в XX веке отучила ученых считать себя всезнающими. Ведь самым нейтральным и грамотным, если возраст их считать с этого момента, открытием, лишь десятилетием. Кто поручится, что еще в этом году не будут открыты новые космических частиц и волнов, которые, может быть, и окажутся ключом к галактикам.

Если нет пока ответа на вопрос, что является феноменом «пси», значит быть, состоит поэта по другой дороге поиска разгадки, что в организм животного человека ответственно за восприимчивость к «пси». Это, например, происходит в любом медицинском институте если исследовать пациентов, в которых представлен весь организм человека.

Вест! Как бы не так! До последних лет не прекращаются открытия новых частей являясь и других органов. Совсем недавно корейские ученые обнаружили новую физиологическую систему в организме, дополнительно к лимфатической, кровяной и нервной. Если еще можно сделать открытие такого масштаба, то уж место для нового органа чувств, бесспорно, найдется.

Прежде всего мы еще очень мало знаем о свойствах ионизации организма. Она дает нам возможность пользоваться озонотерапией, релаксацией, теплыми или холодными предметами и т. д. Но, как полагают многие ученые, нервные окончания в ионизации разнообразны, что бы выпонить эту функцию. И действительно, ученые в опытах сумели вызвать у некоторых людей чувствовать свет (даже отличать красный от зеленого). Для этого процесс облучения светом света на руку сопровождался излучением. В конце концов разработаны соответствующий усложненный реферат. Таким образом, иона человека изучались

ощущать действие электромагнитного поля низкой частоты. Им взять обоняние. Оно наименее изучено из обоняния чувств, а нос — наименее изученный из органов человека. Теоретически (а их довольно много) противоречат друг другу. Одна из теорий, между прочим, утверждает, что особые обонятельные волоски носом являются генераторами электромагнитного поля длиной 0—14 микрон. Другая теория отводит клеткам носа только при обонянии таких волн, испускаемых пахучими веществами.

Кроме всего прочего, устройство носа может показаться слишком сложным, если кто задает — такое обоняние. По некоторым данным, обонятельная эвент длится на 24 часа, и благодаря этому че-

ловен должен быть способен воспринимать 16 миллионов разных запахов. А как приходится иметь дело максимум с тысячами. Зачем же такая избыточность? Правда, гадать нельзя!

Мы правы, что органы чувств работают по близости тел. Это понятно, так как глаз должен видеть, ухо — слышать, а носовые перегородки — открывать этого. Но, по-видимому, «волны» могут идти в открытой дороге. Значит, их органы имеют находиться внутри человека, например, в головном голубом.

Б. В. Ванинский описал анимализм в связи с этим анимализм — маленькая железе, расположенная в области затылочных извилин мозга. Функция эпифиза в организме мало выяснены. Его пытались связывать с миссией у современных животных и человека. Иеромары в третьем глазом (на теменном). Может быть, за отсутствием третьего глаза эпифиз стал обслуживать «стелатическое чувство» в качестве приемника?

А сколько еще загадок и тайн хранит и человеческий мозг и организм в целом.

В настоящее время даже случаются факты телепатического связи. Известно место жительства одного человека из тысячи. Проявляется один из признаков между двумя близкими людьми. Передают не слова, а зрительные образы и эмоции. Передачи лучше всего удаются, когда человек находится в состоянии сна. В частности Л. Л. Васильев, полагает, что более вероятны так: за передачу ответственных отделов мозга, расположенные под кожей. Большая часть информации поэтому хотя бы частичное отвлечение моря благоприятно связывается на телепатическую передачу для жизни людей теле-

патия не имеет, по-видимому, значения. Чем же это новейшие отомости были способности или зачаток. Будущих великих возможностей телепатии? У обеих точек зрения есть свои сторонники.

Не случаются ли так: всего телепатически передаются картинками и эмоциями, утраченные близкому человеку. Не зов ли это по поводу?

Далеко не все ученые согласны с Л. Л. Васильевым. Человек обладает способностью, которые могут быть реализованы в благоприятных условиях. Возможно, телепатия из их

числа. И, кстати, может быть, нам только кажется, что телепатическое телепатическими способностями? Может быть, дело не в отсутствии у большинства людей способности и тактичной телепатической связи, а в том, что она, по-видимому, об этой способности у себя, не умеет ею пользоваться? Чтобы писать письмо, нужно научиться грамоте. Может быть, за малым исключением, человечество телепатическими способностями? Ведь когда-то способность гипнотизировать людей тоже существовала, только единично. Сейчас этому учат в институтах.

О том, что это мысли в применении и телепатии не бездоказательна, говорят факты. Словом, даже если телепатические возможности человека за последние тысячелетия уменьшились, человек сам способен вернуть им былые силу и значение. Если нам покажется «многове радио», им можно будет пользоваться. А вот понадобится ли? Тут много, да все, зависит от природы телепатических волн.

Без всяких приборов через тысячи километров беспроблемно с армией или любимым. Правда, хорошо бы!

Но, во-первых, не совсем беспроблемно — передать ведь не слова, а образы. А вторых, беседа на расстоянии можно организовать и иначе. Уже сейчас технически возможно облучить каждую точку Земли карманным радиотелефоном. Какие преимущества имели бы и стала смотреть на Каспий. А отен был в арктике в Ницце. Позже пришла телеграмма о его гибели — то самое время, когда у мальчика началась эпилепсия.

А просто «хорошо бы» не аргумент. Не один верхолаз вздохнул и ввернул, а другие вынули хорошо, или, обаявшие у нас есть хост... Но никто не собирается говорить по поводу отсутствия у человека хвоста и искать средства для его отращивания.

Другое, совсем другое дело, если вазе не телепатическое, а другое условие, если волны мозга не радиоволны.

Тогда телепатия уступает здесь (во всяком случае, пока) природе, для которой телепатия — явление отменяется множество применений.

Прежде всего для дублирования радиосвязи, которую так легко обрывают магнитные бури.

Сегодня в основном два чувства — слух и зрение — обеспечивают информацией между людьми.

Мы в готовом виде получили из природы телепатическую связь, это будет уже заслуга самих людей.

ФАКТЫ...

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Французский врач Жан сообщила в научном журнале о случае с семилетним мальчиком, который иногда стал кричать и звать на помощь, утверждая, что его отец мертв. В конце концов мальчик успокоился, но утверждал, что его отец утонул, что он сам видел это. А отец был в арктике в Ницце. Позже пришла телеграмма о его гибели — то самое время, когда у мальчика началась эпилепсия.

В ноябре 1922 года Б. Б. Казинский попросил знаменитого дрессировщика В. И. Дурова мысленно внушить ему какой-нибудь впечатлительный рефлекс. Дуров быстро написал что-то на листке бумаги и стал смотреть на Казинского. Тот ничего особенного не почувствовал, только вдруг машинально притронул пальцем правой руки к коже своего уха. А Дуров писал: «Почесать за правым ухом».

В поле излучения импульсных радиоволн издавна от 200 до нескольких тысяч мегаватт люди слышат журчащий шум. Дуров слышал даже лучше. Это показал в своих работах доктор Ферр в США. Значит, человек способен непосредственно воспринимать радиоволны.

Французский фармаколог Рюде дал инженеру Т. прийти внутрь вытяжку из мексиканского кактуса пейотла. После этого ему мысленно были внушены поочередно различные образы: волк, заяц, волка и др. Каждый раз примерно через три минуты инженер называл именно то, что ему внушалось.

В 1934 году советский доктор Дубровский, будучи в Севастополе, для лечения пациента, находившегося в Ленинграде, открыл протокол радиосвязи. В день, когда Дубровский заболел, предположительно усиление не состоялось. Это исключало действие условного рефлекса.

Телепатически наблюдениями занимались американский писатель Энтон Синклер и его жена Мэри. Вскоре после свадьбы Мэри ехала в автомобиле и почувствовала, что в их дом зашел некто Б, который никогда прежде и у них не бывал и жила Джен. «Он ничего не сказал», сказала впервые. Это время Б действительно была в доме Синклеров.

Однажды на Мэри нахлынула тревога и тоска. Она была очень озабочена за судьбу Джона Лондона — близкого друга Энтона. В это время Лондон покончил жизнь самоубийством.

Опыт доктора Брука по мысленному внушению рисунков. Буквой «Б» обозначены рисунки, которые экспериментатор пытался передать своим пациентам. «А» и «В» — рисунки, воспроизведенные ими в одиночку и том же опыте.

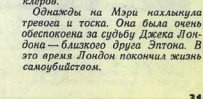
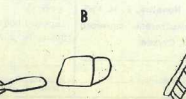

Рисунок Ю. ПЕРЕПЕЛКИНА.

РАСТУЩАЯ

Ито злые слухи распустили,
Что отстает от жизни Нина!
По мере средств своих и сил
Растет девочка неуловно.
Прическу сделала «модную»,
На «шпильках» туфельки достала.
И каждый видит,
Что она
Нинаго выше сразу стала!

Игорь МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

Виталий МАРТЫНЕНКО

УДЕА МЕНЬШИНСТВА

Позатый Варaban жаловался Контрабасу:
— Странный народ эти Композиторы! Вся жизнь стараясь, работают так, что того и гляди нима попутят — и ни один из них тобой не замечает. Еще куда ни шло, если во главе оркестра стоит Фортельшлю, если во главе оркестра стоит Фортельшлю, если во главе оркестра стоит Фортельшлю, Нинак не попутят, почему этии писунуван так часто предоставляют право выступать солистами!

— Эх, брат! — отвечал ему Контрабас. — Посмотри вокруг. Ведь этой мелочи в оркестре большинство. Вот нас и затирают!

г. Гордовка.

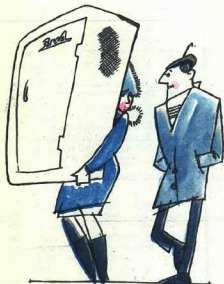
Павел ОГНЕВ

БУЛЬЖНИК И МЕТЕОР

На Метеор Бульжник злится:
— А чем он, собственно, гордится?
Ну что мы в нем нашли, друзья?
Такой же камень, как и я!..

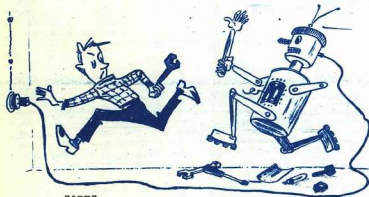
ХОХЛАТКА-ОЧКОВИРАТЕЛЬНИЦА

Снесла Хохлаточка всего одно яйцо,
А в скорлупе записала сто.
И рассуждала так: «Из этого яйца
Я скоро выведу птенца.
Он станет взрослой курицей и, значит,
Легко покроет недостачу».

— ДОРОГАЯ, ХОЛОДИЛЬНИК ДЛЯ НАС —
ОГРОМНОЕ ОБЛЕГЧЕНИЕ В ХОЗЯЙСТВЕ..

Рисунки Б. ЧУПРЫГИНА.

ДОВЕЛ..

Рисунок В. ВОРОНЦОВА.

— АХ, КАКОЙ ОН СМЕЛЫЙ!..

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; очереди и публикации — доб. 3-52; международная линия — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-79; песни — доб. 2-83; науки и техники — Е 7-05-52; информации — Е 7-05-62; оформление — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Черненко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Костров, В. А. Кочетов, Е. И. Рабчиков, В. И. Самохин [заместитель главного редактора], А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

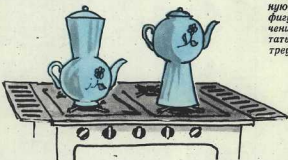
А 00038 Подписано к печати 23/II 63 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 364
Завод № 237 Формат бумаги 70х108/8.
26 д. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина Москва, ул. «Правды», 24.

Заменял одинаковые числа одинаковыми буквами, найдите 9 слов, имеющих следующее значение:
 1,2,3,4,5,6 — стихотворная задача
 1,8,9,10 — птица
 11,3,8,11 — крепкий напиток
 1,2,1,1,2 — маршал Наполеона
 3,5,9,12,5 — старинная французская стихотворная форма
 6,9,12,5 — микротон
 4,14,10,3 — имфологический воздухоплаватель
 8,15,16,8 — город Сибирянского полуострова
 2,17,4,2,5 — математическое вещество
 Если найденные слова в определенном порядке расставить друг над другом в столбец, то из начальных букв этих слов можно составить фамилию известного русского поэта, а из конечных — название его произведения.

Математический квадрат

Эта задача изобретена в Индии более двух тысяч лет назад. Однако и в наши дни для ее решения потребуются некоторые время. Попробуйте расставить числа от 1 до 16 в назидате таким образом, чтобы в любом ряду по горизонтали и по вертикали, а также по диагонали в итоге получалась сумма 54.

Необычные чайники

На плиту поставили два чайника причудливой формы и наполнили до отказа водой. Какой чайник вскипит раньше?

Литературная головоломка

Изображенную на рисунке фигуру разрежьте на части в виде букв одинаковой высоты и из них составьте известное французское писателя.

Сколько треугольников!

Посмотрите на изображенную здесь шестугольную фигуру и постарайтесь в течение одной минуты подсчитать, сколько в нее идет треугольников.

К Р О С С В О Р Д

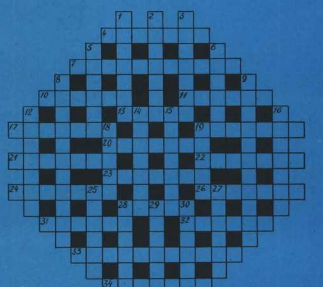
Составил В. ГАВРИЛОВ (г. Москва)

По горизонтали:

- Город в Московской области.
- Палея Е. Ф. Поэтесса.
- Волгарский композитор и авантюрист.
- Способ азартной азартной игры.
- Царевна-лягушка.
- Прямая, соединяющая вершину треугольника с серединой противоположной стороны.
- Руководитель спортивной команды.
- Молодые листья, промываемые и высушенные для высадки в грунт.
- Учебный организатор Педagogического института Академии наук СССР.
- Вид художественной игры.
- Плодовое возделывание.
- Актриса.
- Автор проекта здания Совета Министров СССР в Москве.
- Колодец чешского народа.
- Мера веса драгоценных камней.
- Персонаж оперы А. Г. Рубинштейна.
- Домашнее животное в Царском селе.
- Узнавание вершинной плоскости мезозойского периода.
- Вид динозавра.

По вертикали:

- Остров в Средиземном море.
- Польский писатель.
- Полководитель зареволюционной армии.
- Совокупность северного полушария неба.
- Порт на Балтийском море.
- Советский писатель, автор романа «Восстание».
- Грунтная промышленный центр Узбекистана.
- Известный советский актер.
- Река в Северной Америке.
- Трехсложное стихотворение строки.
- Грунтный народный танец.
- Отдельные покровы из различных механизмов.
- Вулканический массив в Турции.
- Новый мексиконский кинотеатр.
- Легкая атлетика.
- Математический язык.
- Картина М. В. Гренкова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

- Ольга, 8. Аминя, 11. Пронюфья, 12. Гармоника, 16. «Марта», 17. Исталинский, 18. Ровно, 21. Кочка, 22. Уланов, 23. Вальдье, 26. Аланте, 27. Бас, 28. Ингино, 30. «Альтавар», 31. Мисалес, 34. Коинан, 35. Сун, 37. «Детская», 42. «Сирены», 43. Собиню, 44. Сичети, 47. «Парус», 48. Ротостроич, 49. Штрик, 52. Горислава, 53. «Шоппинская», 54. Дольна, 55. Пася.

По вертикали:

- «Август», 2. Алюис, 4. Гофман, 6. «Моячич», 7. Друтичичи, 8. Вестель, 9. Барлова, 10. Амковден, 13. «Саван», 14. Гинина, 15. «Демон», 19. Манчарини, 20. Кабалынский, 24. Стрышан, 25. Вятчач, 27. Бранс, 28. Суван, 32. Мокроросов, 33. Валентина, 36. Уинсон, 38. Остап, 39. «Потаван», 40. Шолохов, 41. Минни, 45. Роллан, 46. «Измель», 50. Титов, 51. Лилов.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 4

Литературная задача

Имена пушкинских персонажей образуются из частей слов, которые выделены кружком шрифтом. «Приехал на ВАЛ, Даниил размырвал роль Галицкого иавлера, Раделана Кузину, он плясал, Балбасов, а в Обухе его топил!» Известный офицер, поплазал на дельзине на столе Грехи и сказал: «Мы Ельчич СБЯЧ фруктам». Но телеса дельзана были дЛЮКО...»

Мелокот

В морзянке было 301 ядро.

«Ошибки» из домино

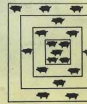

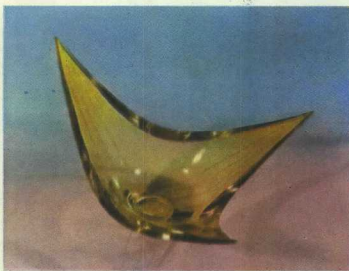
Поездка Диема Лондона

В задаче сказано, что 50 миль, пройденные с полной скоростью, усумрили бы прибытие Диема Лондона в лагерь на один день. Следовательно, 100 миль, пройденные с полной скоростью, усумрили бы его прибытие на два дня, и Дием Лондон прибыл бы без опоздания. Из этого вытекает, что к концу первого дня пути до лагеря оставалось еще 100 миль. Если бы Дием Лондон прошел весь путь с полной скоростью, то вместо 100 миль он сделал бы 168 1/2 миль. Эти лишние 68 1/2 миль усумрили бы ему два дня пути. Отсюда вытекает, что заранее рассчитанная скорость равнялась 3 1/2 миль в день. В результате расстояние от Снаггера до лагеря — 153 1/2 миль.

Поросата в загонках

На прилагемом рисунке показано, как, начиная с одного поросенка из внешнего загона в центральный, можно решить эту задачу. Итого, в центральном загоне теперь две пары плюс один лишний поросенок, а второй внутренний загон нужно рассмотреть как загон, включающий в себя поросат, выходящих из его предельных — 0 штук, то есть 4 пары и один лишний. Таким же образом теперь в третьем загоне 13 поросат (8 пар и один лишний), а в четвертом — 21 поросенок, или 10 пар и один лишний.

Продукция этого предприятия не залеживается в магазинах. Изделия Гусевского хрустального завода с восхищением рассматривают посетители многих международных выставок. Впрочем, слава гусевского хрусталя давно уже имеет заграничную визу — завод работает более двухсот лет.

Но жить, стараясь заслужить не в правилах молодости этого старейшего завода. Когда стилисты работы становятся творческим отхождением к делу, в успехе и признании можно не сомневаться. И каждый рабочий Гусевского завода, и даже бы операции он им выполнил, чувствует себя причастным и искусству. Может быть, в этом залог того, что изделия хрустальных дел мастера постоянно совершенствуются, приобретают современную форму.

В наши дни у гусевских мастеров появился мощный конкурент в лице диоритовой керамики. Но тем не менее продукция завода по-прежнему находит спрос и пользуется широкой популярностью. Дни рождения, новоселья, свадьбы редко обходятся без подарков с гусевской жарной.

На снимках А. Потапова вы видите новые изделия гусевских хрустальщиков и молодых художников Евгения Попова и Гавриила Черноусова, принимавших участие в их разработке. На первой странице обложки — одна из лучших работниц завода, комсомолка Нина Ерусалимова.